

Игорь Зябнев

ЖИЗНЬ ТАК КОРОТКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Игорь Зябнев

Жизнь так коротка

«Автор»

Зябнев И.

Жизнь так коротка / И. Зябнев — «Автор»,

Вам хотелось когда-нибудь внести в устройство нашего мира свои коррективы? Или все же судьбу человечества ничто изменить не в силах? Именно этим, правда не по своей воле, и пришлось заняться герою романа "Жизнь так коротка". Простому школьному учителю выпала роль спасителя человечества от ядерной войны, и для этого ему нужно начать становление человеческой цивилизации от самых истоков каменного века. Во всяком случае, об этом сообщает герою "инопланетный разум", а вот что было реальной целью инопланетян и в точности ли главный герой выполнил их план, вы узнаете лишь в конце книги. Пройдите вместе с героем этот сложный, долгий и в то же время увлекательный путь в новой исторической реальности. И, возможно, вы впервые задумаетесь о бремени власти, о потерях и приобретениях человека, на плечах которого лежит груз громадной ответственности, его сомнениях, его победах и просчетах.

© Зябнев И.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Игорь Зябнев

Жизнь так коротка

Глава 1

Утром в моей холостяцкой квартире раздался телефонный звонок. Я только что позавтракал и собирался побриться, даже уже намылил одну щёку. Интересно, кому это не спится в такую рань?

Сняв трубку, я услышал приятный мужской голос:

– Доброе утро. Могу я поговорить с Сергеем Семёновичем?

– Да. Это я.

– Меня зовут Александр Владимирович. Я представитель известной торговой фирмы. Очень хочу с вами встретиться.

– Зачем? К торговле я никакого отношения не имею.

– Наша фирма проводила конкурс. Вы выиграли один из главных призов, и я его вам хочу вручить немедленно.

Никогда в жизни я не участвовал в каких-либо конкурсах, поскольку просто в них не верил. Очевидно, это розыгрыш.

– Немедленно не получится. Я сейчас уезжаю на рыбалку на все выходные, позвоните в понедельник.

– Рыбалка? Это замечательно! Давайте встретимся там, где вы будете рыбачить. Быстренько вручу ваш приз и больше не буду вас отвлекать.

– Хорошо, Александр Владимирович.

Я объяснил своему собеседнику, как добраться до моего любимого пруда, и положил трубку. «Всё-таки это розыгрыш», – думал я, продолжая бриться. Из зеркала на меня смотрел молодой мужчина тридцати лет от роду, высокого роста и спортивного телосложения. Белая майка обтягивала крепкий торс и подчёркивала красоту мышц. Густые чёрные волосы на голове были аккуратно зачёсаны назад. Слегка оттопыренные уши удивительным образом сочетались с волевым подбородком. Из-под чёрных широких бровей мне улыбались светлогриые глаза. Портрет довершали прямой тонкий нос и средней полноты губы.

Подмигнув своему отражению, я закончил бриться и вышел из ванной. Быстро оделся и взял сумку, заранее собранную с вечера. Закрыв квартиру, сбежал по ступенькам, вышел из подъезда и, весело насвистывая, пошёл к гаражу.

Приехав на пруд и поставив машину в тень, я открыл багажник и собрал удочку, решив порыбачить, пока не жарко. Червями я запасся заблаговременно, и теперь, насадив одного из них на крючок, плавным движением забросил метрах в трёх от берега. Поплавок немного покачался и встал вертикально – значит, длину лески подобрал правильно. Вообще-то крупной рыбы здесь нет. Одни пескарики да карасики. Мне нравится сам процесс ловли и то, что никто не мешает. Сюда редко кто приезжает: от города далеко, а сам пруд расположен так, что с дороги его не видно – закрывает рощица и небольшой холм.

Солнце взошло ещё невысоко, в воздухе – ни ветерка. Поверхность пруда гладкая, как стекло. Лишь изредка плеснёт хвостом какая-нибудь рыбка, и небольшая рябь разойдётся кругами по воде. Или поплавок начнёт подрагивать – сначала словно нехотя, потом слегка погружаясь. Тут уж не зевай: как потянет его в глубину, тут же подсекай. И вот красавец-карась появляется из воды, искрясь на солнце, дёргается, стремясь сорваться с крючка, и мягко шлёпается на прибрежную траву.

Часам к десяти стало жарко. Клёв прекратился. Я давно уже и думать забыл про таинственного Александра Владимировича. Собрал в рожище хворост и разжёг костёр. Глядя на яркие языки пламени, жадно пожирающие сухой валежник, сварил в котелке уху и с удовольствием пообедал, вдыхая приятный запах ушицы, отдающей лёгким дымком. Две стопочки водки возбудили у меня здоровый аппетит, и вскоре я отставил пустой котелок в сторону.

Чуть погодя поставил палатку на краю рожицы. Днём купался или, лёжа в тенёчке на мягкой траве, читал исторический роман. Вечером снова рыбачил, только на этот раз пойманную рыбу нанизал на пруты и пожарил, медленно поворачивая и подрумянивая её бока над тлеющими угольками.

Когда на тёмном небе зажглись яркие звёзды, я лёг спать. Но стоило закрыть глаза, как вновь передо мной появился пруд и поплавок, качающийся на лёгкой зыби. «Завтра встану пораньше и опять буду рыбачить», – подумал я и с этой приятной мыслью уснул.

Ночью внезапно проснулся, как от толчка. Ещё не понимая, в чём дело, откинул полог палатки. Две огромные, необычного вида фигуры в ореоле яркого света, идущего откуда-то сзади них, приближались ко мне. Они были похожи на людей: голова, две руки, две ноги. Но походка скорее медвежья, чем человеческая; торс гораздо мощнее, а руки длиннее, чем у любого из нас.

Сказать, что я испугался – этой фразой нельзя объяснить моё состояние в тот момент. Я замер, не в силах пошевелиться и с изумлением наблюдал, как странные личности, одетые в скафандры, подходят ближе.

– Сергей Семёнович? Мы от Александра Владимировича, здравствуйте! – прогудело ближайшее чудовище. Голос был вполне человеческий. И тут у меня наступила обратная реакция. Испуг прошёл, и я затрясся от смеха.

– Ха – ха – ха! От Александра Владимировича?! Подумать только! Ха – ха – ха! И где же он сам?

– Здесь недалеко, мы вас проводим.

Я вылез из палатки, надел кроссовки и встал. Оба великана (метра по три ростом) слегка расступились, и один из них жестом показал в сторону источника света.

– Александр Владимирович там, в машине.

Всё ещё смеясь, я пошёл в указанном направлении. «Вот шутники! И кто же из моих друзей до этого додумался?» – гадал я. Свет слепил мне глаза. Я шёл осторожно, боясь оступиться, и, только оказавшись вблизи «машины», понял, что шутки закончились, не успев начаться.

«Машина» оказалась довольно большим объектом, похожим на две соединённые вместе тарелки. При этом донышко нижней висело над землёй, чуть-чуть её не касаясь, а из иллюминаторов верхней исходили слепящие потоки света. Эта штукавина не издавала практически никакого шума. Входной шлюз был открыт, однако идти внутрь мне совсем не хотелось. Об этом я и хотел сказать своим провожатым, но они дружно пробасили: «Александр Владимирович ждёт!» и бесцеремонно впихнули меня внутрь. Тут же я ощутил укол в правое предплечье. Приятное тепло разлилось по всему телу, веки отяжелели, и последнее, что я почувствовал – неимоверно сильные руки, не позволившие мне упасть...

В сознание я приходил постепенно. Сначала ощутил, что лежу на спине на довольно жёстком ложе без подушки. Мысли путались, я никак не мог вспомнить, что со мной случилось. С трудом открыл глаза, приподнялся на локте, – ничего знакомого, никакой подсказки, где я нахожусь.

Большое помещение квадратной формы с тусклым освещением, в одном из углов которого стояло нечто, похожее на шкаф для одежды. «Шкаф» тихонько гудел и шипел, мигая разноцветными огоньками. Я опустил ноги и сел, с удивлением разглядывая постель, скорее кушетку, чем кровать. Но, как её ни называй, на ней могли улечься, по меньшей мере, три таких

человека, как я. Сбоку стояло таких же гигантских размеров «кресло». Больше ничего в комнате не было: ни окон, ни дверей. Стены белые, пол розовый; всё, похоже, сделано из пластика.

Я уже собирался встать, чтобы найти выход из этого странного помещения, но меня отвлекла приятная мелодия, зазвучавшая нежно и успокаивающе. Затем незнакомый мужской голос произнёс:

– Мы рады, что вам стало лучше. Сейчас с вами будет говорить Александр Владимирович.

Словно мурашки пробежали у меня по телу: я мгновенно вспомнил двоих великанов в скафандрах, космический корабль пришельцев...

С мягким шелестом белые панели на одной из стен разошлись в стороны, и моему взору открылся большой телевизионный экран. Тут же на нём появилось изображение человека средних лет, сидящего за столом. Его глаза приветливо улыбались.

– Здравствуйте! Я – Александр Владимирович.

– Здравсте, – промямлил я. – А вы очень похожи на человека. Или это и есть ваш настоящий облик?

– Ну что вы, Сергей – э – э Семёнович! Я совершенно не такой! Это преобразователь изображения постарался. Уж вы извините, но мою настоящую внешность вам видеть ни к чему: так у нас с вами разговора не получится, слишком я для вас необычным покажусь.

– А где я сейчас, и зачем вы меня похитили?

– Вы на нашем – э – э корабле в качестве гостя.

– Настоящий космический корабль? Вот здорово! Можно мне с ним ознакомиться поближе, совершить небольшую экскурсию?

– Нельзя, Сергей Семёнович. В помещении, где вы находитесь, нами искусственно поддерживаются все параметры атмосферы вашей планеты. Ни вы из своей комнаты не сможете выйти без скафандра, ни мы войти к вам. Да и времени у нас нет.

– У меня? Нет времени?! Это почему же?

– Сейчас объясню. Небольшая неисправность одного из двигателей привела нас в окрестности системы звезды Р–Зет 3658. Тут мы и заметили вашу прелестную планету. Слов нет – настоящая жемчужина Вселенной! Поэтому решили: «Пока ремонтируемся, исследуем подробнее».

– Действительно, матушка-Земля – красавица. Но я-то здесь причём?

– Ваша цивилизация обречена. До катастрофы остались считанные дни.

– Да в чём же дело? Не тяните душу!

– Ядерная война. Всё живое погибнет...

Мне не хотелось в это верить. За последние двадцать лет мы привыкли к мысли, что некоторые страны имеют ядерное оружие, но применять его первыми не собираются. А раз не будет первого удара, то и волноваться особо не о чем. Главное, что ведущие державы не допустят расползания ядерного оружия по планете и найдут эффективный способ воздействия на те страны, которые попытаются создать собственную атомную бомбу.

С недоумением я посмотрел на собеседника.

– А вы, с вашими знаниями и техническими достижениями, разве не могли бы помочь?

– Для этого мы вас и пригласили, Сергей Семёнович. Именно вас выбрал наш – э – э компьютер.

– Именно меня? Но ведь на Земле миллиарды людей. Чем я отличаюсь от других?

– Сейчас объясню. Наш компьютер рекомендовал задать вам два вопроса...

– Извините, что перебиваю. Но ведь вы так могущественны! Могли бы вмешаться сами и предотвратить...

– Компьютер просчитал этот вариант и отверг его. Наше открытое вмешательство рискованно: каждая из враждующих сторон может подумать, что это противник провоцирует его, и вместо разоружения всё равно будет война. Кроме того...

Он не закончил фразу. Я внимательно смотрел ему в глаза, и на какую-то долю секунды мне показалось, что он смутился.

– Итак, два вопроса компьютера, Сергей Семёнович, и вы поймёте, почему мы выбрали вас, а не кого-либо другого.

– Спрашивайте.

– Как вы считаете, какова *основная* причина того, что ядерная война на вашей планете стала возможной?

Я подумал с минуту и сообщил ответ.

– Замечательно, Сергей Семёнович! Наши мнения здесь совпадают. Второй вопрос: как этого избежать?

На этот раз я думал дольше. При этом мои рассуждения поразили меня самого.

– В настоящее время никак, однако, если... – я закончил свою мысль и тут же спросил собеседника: – А вы на это способны?

– Несомненно, требуется лишь ваше участие в этом предприятии. Вы согласны?

– Ничего другого мне не остаётся, но как вы собираетесь это осуществить?

– Все детали обговорите с моим помощником. Надо спешить, мы и так слишком долго здесь задержались. До свидания, Сергей Семёнович.

– Всего хорошего, Александр Владимирович.

Экран погас. Белые панели сдвинулись, и я снова увидел перед собой непроницаемую стену. В наступившей тишине подумал: «А может быть, я заболел и у меня галлюцинации? Может, это просто дурной сон?» Я ущипнул себя за мочку уха, но вся окружающая обстановка осталась на месте.

Мне показалось, что прошло совсем немного времени, когда в мою «комнату» через невесть откуда появившуюся дверь вошли трое в скафандрах. Шедший впереди нёс в правой руке предмет, похожий на чемоданчик. Двое других вкатили громоздкий агрегат, напоминающий саркофаг, в котором находили последний приют египетские фараоны. Дверь за ними немедленно закрылась.

– Для успешного выполнения вашей миссии мы сделаем вас бессмертным, – сказал тот, кто держал чемоданчик. – Вы не возражаете?

От удивления я мог только кивнуть.

– Тогда полностью раздевайтесь и ложитесь ближе к стене, – скомандовал пришелец.

Я подчинился, спросив при этом:

– Вы прекрасно говорите по-русски. Как долго учили наш язык?

– Совсем не учил. Компьютер перевёл вашу речь и ввёл мне её в кратковременную память; скоро всё забуду за ненужностью.

Он поставил чемоданчик рядом со мной, открыл его, и вскоре всё моё тело облепили датчики.

– Прекрасный организм, вы абсолютно здоровы, – констатировал «доктор». – А теперь расслабьтесь и думайте о чём-нибудь приятном.

Я закрыл глаза и сразу же представил, что сижу на диване у себя в квартире, смотрю финальный матч чемпионата мира по футболу и потягиваю из бокала холодное пиво. Словно в такт моим фантазиям острые ледяные иголки впились в мой мозг, и я почувствовал себя необыкновенно бодрым и радостным, как если бы сборная России на моих глазах забила победный гол и стала чемпионом планеты.

Тем временем пришедшие вместе с «доктором» открыли «саркофаг». От меня отсоединили датчики, и вскоре я погрузился в жидкость золотистого цвета, которой он был наполнен.

Затем пришельцы закрыли крышку. Жидкость начала бурлить и увеличиваться в объёме, так что скоро покрыла меня с головой. Мощный электрический разряд потряс моё тело, и я потерял сознание...

Глава 2

Яркая полная луна освещала моё лицо. Я лежал на траве, слегка оглушённый взрывом, вызванным исчезновением «капсулы времени», которая доставила меня в прошлое. Вокруг, шипя и потрескивая, саморазрушались детали спускаемого аппарата. Через несколько минут всё стихло, погасли последние огоньки. «Судьба вашей планеты в ваших руках, Сергей Семёнович!» – вспомнил я прощальные слова братьев по разуму. Вот так. Александров Сергей Семёнович, бывший учитель истории, а теперь...

Я сел и огляделся. Моему взору открылась большая лесная поляна, со всех сторон окружённая величественными деревьями. Где-то недалеко журчал ручеёк. Из глубины леса раздавались крики ночных птиц. Было довольно прохладно. Я встал и сделал несколько приседаний, чтобы согреться. Похлопал себя по плечам. Провёл руками по рубашке и джинсам, поправил кроссовки. В карманах джинсов нашёл носовой платок, расчёску, неполную коробку спичек и перочинный нож с несколькими лезвиями – весьма скромная экипировка в создавшейся ситуации.

Разыскав ручеёк, присел на корточки и напился, набирая полные пригоршни студёной воды. Ополоснул лицо. В желудке заурчало – сейчас бы позавтракать, выпить кружку кофе. Сплюнул с досады. О кофе теперь можно забыть надолго. Последний раз я ел жареных карасей. Как давно это было? Пришельцы меня не кормили, наверное, пробыл у них недолго.

Тем временем приближался рассвет. Небо на востоке стало светлеть, и я пошёл вниз по течению ручья, который привёл меня к берегу мелкого озера, поросшего тростником. Одна из уток пролетела совсем близко и исчезла в зарослях. Я машинально проследил за ней взглядом и, к своему удивлению, сразу понял, что у неё там гнездовье. Именно понял! Сквозь стебли тростника я отчётливо «увидел» гнездо, в котором находились шесть утят. «Что за наваждение?» – недоумённо подумал я.

Быстро раздевшись, пошёл к этому месту, постепенно погружаясь в воду. Она была холодной и доходила мне до пояса. Я продолжал идти вперёд, и тут с тревожным криком взлетела утка. Утят действительно было шесть, не больше и не меньше. Поражённый своей прозорливостью, я некоторое время смотрел на них, потом бережно поднял гнездо и возвратился на берег.

Собрав хворост и подложив под него немного сухого прошлогоднего тростника, с одной спички разжёг костёр. Используя прутья вместо вертела, поджарил утят и съел всех шестерых. Без соли вкус мяса был непривычен, однако я знал, что скоро её раздобуду. Именно знал. Странно, но я точно был уверен, что уже никто и ничто не могли от меня укрыться на Земле. Сконцентрировав своё внимание, я обнаруживал зайца, прячущегося в кустах от лисы, хотя нас разделяло несколько километров. Глядя на безоблачное утреннее небо, я предчувствовал приближение грозы. Сам не понимая, как у меня это получается, я мог обнаруживать под землёй залежи полезных ископаемых.

Внезапно, как гром среди ясного неба, ко мне пришло понимание того, что теперь я стал неуязвим против любых врагов, всевозможных болезней и стихийных бедствий. Мои мышцы налились небывалой силой, а знаний у меня в голове стало столько, что хватило бы на тысячу профессоров. Видимо, всеми этими необычными и весьма ценными качествами меня наделили пришельцы из далёких миров...

Некоторое время я сидел, оглушённый новыми ощущениями, ещё до конца не осознавая всех открывшихся передо мной перспектив. Меня охватил шквал радостных эмоций. В голове одна за другой мелькали мысли: «Я – бессмертен!», «Мне всё подвластно!» От избытка чувств я схватил правой рукой лежащий неподалёку от меня увесистый камень и, вскочив на ноги, изо всех сил бросил его в сторону озера, стараясь, чтобы он улетел как можно дальше. Тут

же от чрезмерно резкого движения заныло плечо, но я не обратил на это никакого внимания, наблюдая за тем, как примерно полуторакилограммовый булыжник по крутой дуге преодолел расстояние около ста метров и упал в воду, подняв фонтан брызг.

«Да это же мировой рекорд! – восхищённо подумал я, глядя на расходящиеся по поверхности озера круги. – С такой силищей я непременно войду в Книгу рекордов Гиннеса!» Подумал и осёкся. Все книги, мои родственники и друзья остались в прежнем мире. Здесь же я пока одинок. Осознание этого факта моментально меня отрезвило. Щемлящая тоска сдавила моё сердце, мне стало трудно дышать. Я потерял не только близких мне людей, но и весь привычный для меня мир начала двадцать первого века. Эта истина лишь сейчас полностью дошла до меня, и только мысль о том, что то общество всё равно было обречено, а я сам чудом избежал гибели, позволила мне не потерять самообладание.

Снова сев на траву у догорающего костра, я заставил себя успокоиться, прикрыл глаза и принялся «изучать» окружающую меня местность. Сначала она открывалась мне с высоты птичьего полёта. Постепенно горизонт отодвигался всё дальше, и вскоре я смог «разглядеть» все интересующие меня детали в радиусе десятков километров.

Через некоторое время я обнаружил на расстоянии дневного перехода подходящее для моих целей племя людей каменного века и направился к нему, предварительно потушив костёр. Я находился на севере будущей Франции, в верхнем течении реки Соммы. Было начало июня трёхтысячного года до нашей эры.

Мой путь пролегал через холмистую местность, сплошь покрытую лесом. В низине между двух таких холмов я обнаружил молодую иву. Срезав с неё достаточное количество гибких прутьев, очистил их от листьев и быстро сплёл небольшую корзинку. С ней-то я и отправился за солью, для чего мне пришлось сделать небольшой крюк. По дороге подобрал большой твёрдый камень.

Свернув на тропу, проложенную лосями, я скоро обнаружил то, что искал. В этом месте некоторое время назад произошёл оползень, и теперь под яркими солнечными лучами блестяла глыба соли, с трёх сторон отполированная языками животных. Это была соль-лизунец. Используя камень вместо молотка, я отколол несколько крупных кусков и положил их в корзину. Затем двинулся дальше.

Странное дело: по дороге я не встретил ни одного хищника, хотя частенько чувствовал их присутствие. Возможно, что мой необычный для этих мест внешний вид внушал им тревогу, а может, они просто были сыты.

Сначала вдалеке, потом всё ближе послышались удары грома. Небо быстро заволокло тучами. Вокруг потемнело. Поднялся порывистый ветер, приближалась гроза. Мне вовсе не хотелось вымокнуть, и я решил переждать непогоду под огромным раскидистым дубом. Как известно, во время грозы нет места ненадёжнее, чем высокое дерево – оно притягивает к себе молнии. Но это правило хорошо для обычных людей, а я знал наверняка, что всё обойдётся.

Ливень продолжался недолго. Тучи рассеялись, и вновь показалось солнце. Умытые дождём листья деревьев на ярком свете искрились всеми цветами радуги. Спрятавшиеся от ненастья лесные птицы покинули свои убежища, и лес снова огласился их пением.

Я продолжил своё путешествие. Ближе к вечеру лес расступился, и показалась река. Выйдя на песчаный берег, местами покрытый галькой, я нашёл удобное место и утолил давно уже мучавшую меня жажду.

Солнце садилось. От деревьев, растущих почти у самой воды, до середины реки протянулись длинные тени. Вниз по течению, за излучиной вертикально поднимался столб дыма. Это горел костёр в посёлке первобытных охотников. Я, не таясь, направился туда.

Скоро меня заметили. Из хижин, покрытых шкурами животных, появлялись всё новые и новые люди. Они возбуждённо кричали и жестикулировали, показывая руками в мою сторону. Многие мужчины схватились за оружие. Поставив корзину на землю, я улыбнулся как можно

дружелюбнее и, продолжая идти вперёд, поднял руки вверх, растопырив пальцы, чтобы показать им, что я безоружен.

Убедившись, что я один, они немного успокоились. Всё же несколько лёгких копий упали к моим ногам. Я остановился. Тогда вождь племени – широкоплечий кряжистый мужчина, весь покрытый шрамами от схваток с дикими животными, – что-то прокричал своим соплеменникам. В том, что это именно вождь, у меня не возникло сомнений. Достаточно было посмотреть на властное выражение его лица и на то, как внимательно его слушали другие мужчины.

Четыре охотника, вооруженные каменными топорами и копьями с кремневыми наконечниками, направились ко мне. Их торсы были обнажены, а бёдра закрывали волчьи шкуры. Подойдя совсем близко, они окружили меня и, легонько подталкивая остриями копий, повели к своему вождю.

– Осторожнее, черти! Рубашку порвёте! – возмутился я.

В сопровождении конвоиров я приблизился к вождю. Он что-то сказал им, указав пальцем мне в грудь, и те попытались то ли поставить меня на колени, то ли бросить ничком на землю.

К удивлению многочисленных зрителей, у них это не получилось. Именно в этот момент я полностью ощутил свою многократно возросшую физическую силу. С изумлением я понял, что стоит мне только захотеть, как я, шутя, смогу справиться не только с этими четырьмя охотниками, но и со всеми окружившими меня мужчинами. Поэтому я шире расставил ноги, и не стал делать резких движений. Руки, чуть согнув в локтях, опустил вниз. Мужчины этого племени были в среднем на полголовы ниже меня, однако отличались силой и ловкостью, которые, впрочем, в этой необычной ситуации ничем не могли им помочь. Уж они и висли на мне, пытаясь пригнуть к земле, и толкали изо всех сил, – я продолжал стоять, как вкопанный, и при этом мило улыбался, глядя в лицо вождю.

Происходящее забавляло его всё больше. Так продолжалось несколько минут. Наконец вождь рассмеялся и приказал оставить меня в покое. Он что-то спросил, сопровождая слова жестами. Я догадался, что вождь хочет знать, откуда я пришёл. Солнце как раз село, на практически безоблачном небе зажглись первые звёзды. Я показал пальцем сначала себе в грудь, затем в небо и только потом в землю возле нас.

Вождь улыбнулся и повторил мой жест, вопросительно глядя на меня. Я утвердительно кивнул, и он восторженно воздел руки к небу, что-то громко прокричав своим соплеменникам.

– Кикнауц! – как мне показалось, с достоинством сказал вождь, ткнув пальцем себя в грудь. Видимо, назвал себя по имени.

– Сергей! – представился я.

Тем временем все взрослые мужчины и женщины собрались вокруг меня и стали водить хоровод. Они испытывали необычайный душевный подъём, смеялись и пели, вне всякого сомнения, ритуальную песню. Исполняя танец, эти люди ритмично поднимали руки вверх и показывали на звёздное небо. Затем их взоры вновь обращались ко мне.

Я с любопытством вглядывался в незнакомые лица, пытаюсь разобраться в охвативших меня чувствах. Чем-то местные жители мне сразу понравились. Как я узнал позже, у этих людей уже были зачатки религии: они поклонялись Солнцу, Луне и звёздам. Наконец своеобразный концерт закончился, и Кикнауц сел у костра. Жестом он пригласил меня занять почётное место рядом с собой, чем я с удовольствием и воспользовался. Запах жареного мяса давно уже возбуждал у меня невероятный аппетит. Вокруг костра сели взрослые охотники. Женщины и дети держались чуть поодаль, ожидая, когда насытятся мужчины.

Кто-то из подростков принёс мою корзинку. Увидев соль, вождь обрадовался и приказал женщинам растолочь её в порошок. Это было немедленно исполнено, и трапеза продолжилась. Впоследствии я выяснил, что соль в здешних краях встречается очень редко.

Пужинав, мужчины расположились в стороне от костра, уступив место женщинам и детям. Я прилёг на траву, подперев голову рукой, и с интересом следил за разговором охотников. Свою речь они подкрепляли жестами и мимикой, поэтому рассказчик обычно садился так, чтобы свет от костра падал на него. В этом случае соплеменники могли точнее понять его мысли. Вскоре я догадался, что они вспоминали сегодняшнюю охоту на оленей.

Поскольку всё племя было здесь, мне удалось постепенно определить его численность. Девяносто восемь человек, из них лишь двадцать мужчин – совсем небольшое сообщество людей. Стариков среди них не было. Спустя некоторое время, научившись сносно понимать их речь, я узнал, что несколько лет назад племя было гораздо сильнее. Необычно суровая зима привела к тому, что звери покинули эти места, и к весне от голода умерла большая часть людей.

Постепенно разговоры прекратились. Все стали устраиваться на ночлег. По приказу вождя мне выделили отдельную хижину, пол в которой женщины устелили свежей травой. Два охотника остались у костра охранять покой племени. Повернувшись на правый бок и подложив руку под голову, я прислушивался к плеску воды в реке, доносящемуся издали вою одинокого волка и незаметно уснул.

Ночь прошла спокойно. Рано утром, умывшись речной водой, я подошёл к костру. Возле него хлопотали две женщины. Одна из них протянула мне дымящийся кусок мяса. Неторопливо пережёвывая сочную оленину, я наблюдал, как «кухарки» жарят мясо на раскалённых камнях, которые они выкатывали палкой из костра.

Вскоре проснувшиеся мужчины присоединились ко мне. Прислушиваясь к их разговору, я понял, что они собираются на охоту. Кикнауч предлагал идти вниз по течению реки. Слово «дикс» – олень, мне было уже знакомо. Однако вождь избрал неверное направление. Кроме нескольких зайцев, да рыси, собиравшейся поохотиться на одного из них, там никого не было.

– Дикс, – перебил я вождя, указывая в сторону холмов на западе. Он недоверчиво уставился на меня.

– Дикс, – повторил я снова и растопырил пальцы на обеих руках, что означало десять оленей.

Видя, что мне по-прежнему не верят, я схватил ближайшее копьё и, потрясая им над головой, направился в сторону леса. Не оглядываясь, я уже знал, что Кикнауч решил проверить мою «интуицию». Через некоторое время охотники догнали меня. Они были вооружены копьями и луками. Примерно через полчаса я остановился и указал на поросшую деревьями ложбину: «Дикс там!»

Сам я остался стоять на месте, так как не обладал охотничьими навыками. Мои спутники быстро посоветовались, разделились на два отряда и исчезли в лесу. Некоторое время было тихо. Затем вдалеке раздались торжествующие крики. Охота удалась. Довольные мужчины возвращались. Они тащили за собой трёх убитых оленей. Подойдя ближе, вождь благодарно похлопал меня по плечу – богатая добыча и так близко от становища! Этот эпизод ещё больше укрепил мой авторитет у охотников племени, к чему я и стремился.

Вернувшись в посёлок, я решил попрактиковаться в стрельбе из лука. Теоретическими познаниями в этом деле я обладал, но сам лук держал сейчас в руках впервые. Он представлял собой очищенную от коры согнутую ветку. Тетивой служила оленья жила. Выбрав в качестве мишени росшее неподалёку молодое дерево, я прицелился и выстрелил. Стрела лишь чуть задела ствол дерева, отщепив от него кусочек коры. Повторив попытку, я добился приемлемого результата, попав почти в середину ствола. Наблюдавшие за мной охотники громкими возгласами выразили своё одобрение.

Мне захотелось узнать, как далеко стреляет этот лук. Отойдя от дерева метров на пятьдесят, я снова пустил стрелу, натянув тетиву как можно сильнее и подняв лук выше. Описав дугу, стрела воткнулась в землю, не долетев до цели примерно трёх метров. «Слабовато, – подумал я. – Надо будет этот лук усовершенствовать».

Я вернул лук охотнику, которому он принадлежал, и собрался немного отдохнуть. Направившись к своей хижине, обратил внимание на двух молодых девушек, которые вертели в руках сплетённую мной корзинку, пытаюсь понять, как она сделана. Подойдя к ним, я коснулся своей груди указательным пальцем правой руки:

– Сергей.

– Шекна, – ответила одна из девушек.

– Клушта, – улыбнувшись, сказала другая.

Знакомство состоялось. Красноречивыми жестами объяснив подружкам, чтобы они меня дожидались, я пошёл в лес и срезал необходимое количество ивовых прутьев. Потом вернулся к девушкам и, показав рукой на так заинтересовавший их предмет, чётко произнёс:

– Корзина.

– Кор–зи–на, – нараспев повторила Клушта.

– Сер–гей, – добавила она, озорно глядя мне в глаза.

Клушта мне сразу понравилась. На вид ей было лет семнадцать. Длинные светлые волосы обрамляли симпатичное лицо, главную прелесть которого составляли большие голубые глаза. Среднего размера нос с небольшой горбинкой располагался над изящными, чуть приоткрытыми губами. Девушка была среднего роста, с высокой грудью и сильными красивыми ногами. Лисья шкура, подвязанная вокруг широких бёдер, составляла всю её одежду.

Шекна красотой лица не отличалась, но в целом была пропорционально сложена. Её спокойный и покладистый характер помогал ей в общении со своей ровесницей Клуштой.

Подружки с большим интересом разглядывали мою одежду. Они цокали языками, рассматривая ткань, из которой была сшита рубашка, пальцами прикасались к пуговицам. Особое восхищение у них вызвали заклёпки и карманы на джинсах. Когда же я снял кроссовки, и снова надел, продемонстрировав действие липучек, на которые они застёгивались, девушки пришли в восторг. Они так громко смеялись, что вокруг нас собрались чуть ли не все женщины племени вместе со своими детьми. Даже некоторые взрослые охотники пришли посмотреть, в чём дело.

Я разделил ивовые прутья на три части и дал по одному пучку Клуште с Шекной, после чего стал показывать, как сплести небольшую корзинку. Девушки старательно повторяли мои движения, и вскоре дело у них пошло на лад. Конечно, получившиеся у них корзинки были далеки от совершенства. Главное, что мои ученицы поняли сам принцип плетения.

Зрители постепенно разошлись, и мы опять остались втроём. Мне захотелось быстрее освоить язык племени. С помощью девушек в этот день я выучил около пятидесяти слов.

Следующие два дня мужчины на охоту не ходили: запасов мяса было достаточно. Охотники приводили в порядок своё оружие. Двое из них рыбачили на реке, искусно обращаясь с зазубренными острогами, наконечники которых были сделаны из костей животных. Лодкой им служил выдолбленный ствол дерева. Рыбаки управлялись с ним при помощи грубо вытесанных вёсел. На моих глазах один из мужчин тщательно выверенным движением пронзил острой большой рыбину. Его напарник сразу развернул челнок носом к берегу и принялся грести изо всех сил. Рыба извивалась, но зазубрины оружия не позволили ей сорваться с него. На мелководье рыбак ещё глубже вонзил острогу и бросил окровавленную добычу на берег.

Мои языковые познания значительно расширились. Одновременно я и сам учил Шекну и Клушту русскому языку. Они ещё мало что понимали, поэтому иногда я позволял себе некоторые шалости:

– Клушта, скажи: «Милый, любимый Сергей».

Девушка повторила эту фразу с таким очаровательным акцентом, что я, рассмеявшись, поцеловал её в щёчку.

– Милая, любимая Клушта, – произнёс я, ласково проводя рукой по её головке. Она вдруг зарделась и, уткнувшись лицом в мою грудь, тихо прошептала:

– Сергей, милый, любимый.

Я даже опешил. Вот тебе и первобытные люди! Слов девчонка ещё не знает, а по интонации всё поняла.

Глава 3

Утро четвёртого дня моего пребывания в племени выдалось пасмурным. Собирался дождь. Я сидел у костра рядом с вождём и смаковал слегка подсолённую мозговую косточку. Кикнауэч долго смотрел на меня, не решаясь оторвать от столь приятного занятия, потом, видя, что я никак не реагирую на его пронизательный взгляд, всё же спросил, где лучше поохотиться в этот раз. Поняв, что мне так и не удастся спокойно завершить свой завтрак, я вздохнул, с разочарованием отложил кость в сторону и нехотя показал рукой вверх по течению реки.

– Дикс? – уточнил вождь.

Отрицательно мотнув головой, я встал и жестом пригласил всю компанию следовать за мной. К сожалению, слово «медведь» я ещё не выучил. Охотники стали вооружаться. Жестами я попросил их оставить луки в становище, а взамен взять крепкие копыя и каменные топоры.

Я шёл по берегу реки впереди отряда и, наконец, обнаружил прекрасную рогатину. На песке лежал ствол молодого деревца, с развилиной на конце. Поверхность рогатины была отполирована водой и солнцем. Я закинул её на плечо и повёл мужчин вглубь леса.

Охота оказалась скоротечной. Увидев людей, средних размеров медведь встал на задние лапы и угрожающе заревел. Я выставил вперёд рогатину и смело пошёл на него. Зверь попытался выбить оружие у меня из рук, целясь по нему когтистой лапой, но я оказался проворнее. Рогатина обхватила шею медведя. Поднатужившись, я прижал хищника спиной к ближайшему дереву, и тут же копыя охотников глубоко вонзились ему в бока. Я продолжал держать медведя, который быстро слабел от большой потери крови. Новые удары крепкими ясеновыми копыями завершили схватку.

Победные крики мужчин огласили лес. Охотники содрали с поверженного зверя шкуру, а тушу каменными топорами разрубили на куски. С богатой добычей мы возвратились в становище, где нас радостно встретили женщины и дети. Пока жарилось мясо, вождь рассказал им о подробностях охоты, особенно выделив мои заслуги. Так постепенно я завоевал почёт и уважение. Теперь все в племени считали меня своим.

Почти каждый день, лёжа в своей хижине, я развлекался тем, что «смотрел телевизор». По своему желанию я «переносился» в любую точку планеты, как бы парил над выбранной мною местностью, то опускаясь почти до самой земли, то поднимаясь выше самых больших гор. Передо мной открывались восхитительные пейзажи первозданной природы, не обезображенной деятельностью человека.

Впрочем, людей во время этих «видеопросмотров» я встречал довольно часто. Много племён обитало на территории Европы. Их пути пересекались, и такие встречи не всегда заканчивались мирно. Особенно агрессивно вели себя те сообщества людей, которые превосходили других своей численностью. «Жаль, но ещё не скоро наступит время, когда войны на планете прекратятся, и человеческая мудрость возьмёт верх над грубыми животными инстинктами», – думал я, «наблюдая» за тем, как слабое племя пытается спастись бегством от разъярённых преследователей.

Последнее время мне нравилось наблюдать за жизнью большого племени, обитающего в среднем течении Нила. Вот и сейчас я настроил свой «внутренний телевизор» на северо-восток Африки, и передо мной открылась панорама величественной реки, медленно несущей свои воды в Средиземное море.

С высоты птичьего полёта я заметил знакомый высокий уступ на некотором отдалении от берега, заросшего тростником и лесом. С южной стороны этого уступа находилось ущелье, где росли высокие стройные деревья, а по дну бежал ручей с чистой водой. На востоке простирались безграничные степи и пустыни, населённые антилопами, газелями и жирафами, а также львами и леопардами. Большим разнообразием отличался и прибрежный животный мир,

где в густых зарослях можно было встретить не только многочисленных птиц, диких свиней и антилоп, но и слонов.

На самом уступе отчётливо было видно большое количество хижин, крытых тростниковыми циновками. Их стены также представляли собой циновки, обмазанные глиной, которые крепились к деревянным столбам. Возле каждой хижины имелся очаг для приготовления пищи.

Неподалёку располагались загоны для домашних животных, в настоящее время пустовавшие. Лишь в некоторых находились козы и свиньи. Зато в степи были видны стада коров и овец, которых охраняли многочисленные пастухи, вооружённые луками и замечательной работы шлифованными каменными топорами. Им помогали прирученные собаки. Рядом находились поля, засеянные пшеницей. Она уже пошла в рост и обещала дать хороший урожай.

Я знал, что местное население обрабатывает землю каменными мотыгами. Собранные зёрна растирают в муку и пекут хлеб, а также варят кашу, которую черпают из глиняных сосудов ложками. Охота занимает в их жизни важное место, кроме того, они искусные рыбаки.

Некоторых из них я уже помнил в лицо, других узнавал по голосам, совершенно не понимая их речи. Здесь находилось не менее двух тысяч людей, одежда которых состояла из шкур и тканей. Все носили украшения из бус и раковин, на их руках и ногах были кольца и браслеты из слоновой кости. На поясах людей висели ложки, вырезанные также из слоновой кости, причём ручки ложек украшались скульптурными изображениями голов диких и домашних животных, которым они поклонялись. У мужчин были длинные волосы. Женщины заплетали косы и носили выющиеся локоны. Причёска украшалась замечательными костяными гребнями.

Я смотрел на них и думал о том, что очень скоро в их жизни наступят неблагоприятные перемены. Недолго эти люди будут оставаться свободными, ведь несколько севернее набирает силу молодое рабовладельческое государство, которому нужны новые невольники...

Особенно внимательно я «осматривал» территории, граничащие с местностью, где жили люди Кикнауца. И вот однажды я увидел реальную угрозу. Многочисленное племя кочевников двигалось вниз по течению реки. Лица мужчин были «украшены» мелкими шрамами, что являлось отличительной особенностью их племени.

За те две недели, что я уже провёл в посёлке охотников, мне удалось выучить их язык. Утром я обратился к Кикнауцу:

– Мудрый вождь! Огромная опасность угрожает твоим людям! Сюда движется большая орда кочевников, и максимум через три дня они будут здесь.

– Как ты узнал об этом, Сергей?

– Звёзды подсказали мне, – и я поднял руку к небу.

Кикнауц уже привык к тому, что я всегда оказываюсь прав.

– Что ты предлагаешь, Сергей?

– Нужно немедленно собираться и уходить.

– Но куда? – в голосе вождя прозвучало искреннее недоумение.

Общаясь с Клуштой, я узнал, что неподалёку обитает дружественное племя. Каждую весну молодые охотники из этого племени переправляются через реку и приходят в становище для того, чтобы выбрать себе жену. Также поступают и охотники Кикнауца.

– Давайте объединим силы с соседним племенем, – предложил я. – Им тоже угрожает опасность.

Кикнауц, подумав, согласился. Он собрал всё племя и объявил о своём решении. Люди встревожено переговаривались, однако признаков паники я не заметил. Никто не ныл, не жаловался. По приказу вождя с собой брали только самое необходимое. Через час становище опустело.

Во главе группы охотников шёл Кикнауц. Мужчины несли всё имеющееся в племени оружие. Затем шли женщины с детьми. Они тащили запасы мяса и хорошо выделанные шкуры.

Подростки держали в руках корзинки, в которые были сложены наконечники для копий и стрел, костяные остроги. За моей спиной, в мешке, сшитом из оленьей шкуры, лежали запасы кремня. Без этого очень твёрдого камня нельзя было изготовить хорошее оружие, поэтому им племя особенно дорожило. Замыкали шествие несколько вооружённых охотников, один из которых нёс кусок древесной коры с тлеющими угольками, взятыми из костра.

Так мы двигались около трёх часов вниз по течению реки, пока Кикнауч не поднял руку, приказывая остановиться. Необходимо было переправиться на другой берег, и именно здесь находился хороший брод. Переправа началась. Мужчины распределились между женщинами и детьми. Если бурный поток сбивал кого-нибудь с ног, соплеменники тут же бросались к нему на помощь, протягивая руку или свободный конец копья. Всё кончилось благополучно, за исключением того, что охотник, который нёс угольки, оступился и упал. С ним ничего не случилось, а вот огонь угас.

Люди расстроились. Конечно, дружественное племя даст им огонь, но до него идти ещё два дня. Питаться же сырым мясом никому не хотелось.

Перед переправой я разулся, чтобы сбросить обувь. В одну из кроссовок положил спички и теперь, посмеиваясь, разжигал костерок. «Сейчас будет огонь», – объявил я, чиркая спичкой о коробку. Пламя, затрепетав, быстро охватило охапку хвороста. Опешившие охотники изумлённо разглядывали маленькую коробочку. На их глазах только что произошло чудо: ничтожный кусочек дерева родил огонь.

Женщины на радостях притащили столько хвороста, что костёр мог гореть целую неделю. Скоро на раскалённых углях жарилось мясо. Я оглядел окружавших меня людей. Теперь они составляли мою семью. Глаза Клушты светились любовью и гордостью за меня.

...Соседнее племя встретило нас настороженно, ведь только чрезвычайные обстоятельства могли заставить людей Кикнауча покинуть становище. Тем не менее, нам был оказан радушный приём, к чему обязывали родственные связи, установившиеся между племенами.

После совместного ужина, для которого пришлось разжечь три костра, охотники собрались на военный совет. Язык двух племён имел много сходства, поэтому я легко понимал, о чём идёт речь.

Сначала Кикнауч представил меня собравшимся, сказав им, что я – посланец звёзд, от которого не может спрятаться ни одно живое существо в лесу.

– Звёзды подсказывают Сергею, где находятся наши враги, – объявил Кикнауч. – Давайте спросим у него, как нам поступить.

Я поднялся. Охотники смотрели на меня с тревожным нетерпением. Все ждали, что я скажу.

– Наши враги многочисленны и беспощадны, но вместе мы с ними справимся, – уверенным тоном произнёс я.

– Где они сейчас? – спросил один из охотников.

– Только что подошли к нашему бывшему становищу. Завтра с утра они пойдут по нашим следам, и мы должны подготовиться, чтобы достойно встретить их.

– Но как же нам победить, раз их так много? – недоумённо посмотрел на меня вождь соседнего племени.

– Хитростью и отвагой. Мы заманим их в ловушку и уничтожим. Не беспокойтесь, я всё продумал.

С утра я отправил охотников и подростков в лес, попросив заготовить как можно больше веток ясеня и вяза, пригодных для изготовления луков. «Ветки должны быть не ниже человеческого роста, – объяснил я. – Ваши луки никуда не годятся».

Примерно через час на земле передо мной лежала внушительная куча веток. Взяв одну из них, я достал из заднего кармана джинсов перочинный нож. Вытащив самое большое лезвие, принялся ошкуривать ветку. Охотники с изумлением смотрели на блестящий под солнеч-

ными лучами предмет, который оказался острее кремня. Очистив ветку от коры, я принялся обстругивать её концы. Центральная часть лука должна быть толще его концов, чтобы он не сломался при натягивании тетивы.

По моей просьбе женщины принесли все имеющиеся запасы оленьих жил. Я сделал на концах ветки небольшие кольцевые надрезы и закрепил в них длинную оленью жилу, слегка её натянув. Поставив свой лук вертикально рядом с собой, я убедился, что он получился нужного размера.

С правой стороны ветки по центру прорезал небольшое углубление, чтобы стрела не соскальзывала при прицеливании. Сообразительный Зайчонок – подросток из племени Кикнауца – подал мне самую длинную стрелу, какую только смог найти.

Охотники расступились. Держа лук вертикально, я наложил стрелу, длины которой едва хватило для хорошего выстрела. Наступила тишина, все затаили дыхание.

Пущенная из нового лука стрела быстро преодолела расстояние свыше ста метров и исчезла в густых зарослях. Охотники встретили выстрел одобрительными криками: это было настоящее боевое оружие, против которого не устоит любой враг.

Обратившись к мужчинам обоих племён, которых набралось свыше шестидесяти человек, я сказал: «Каждый охотник должен иметь такой лук и запас стрел. Они должны быть ещё длиннее, чем та, которую я только что выпустил. Тогда ваши стрелы полетят ещё быстрее и дальше».

Мужчины принесли кремневые скребки и ножи и занялись изготовлением луков, взяв моё оружие за образец. Я проверял, правильно ли натянута тетива, помогал делать насечки при помощи своего ножа. Дело продвигалось быстро. Подростки подстрелили несколько десятков птиц и выщипали подходящие по размеру перья. По несколько таких перьев крепили на концах стрел, чтобы те точнее попадали в цель.

Сидя вечером у костра, я «включил внутренний телевизор», для того чтобы узнать, как далеко находятся наши враги. Оказалось, что они разделились на две части. На левом берегу реки остались около ста мужчин, с ними были женщины и дети. Основная же часть охотников, числом более двухсот, давно переправилась через реку и двигалась по нашим следам. В их враждебных намерениях сомневаться не приходилось.

Я сообщил эти ценные сведения Кикнауцу и Сыну Медведя – вождю племени, гостями которого мы были. Сын Медведя не только обладал медвежьей силой, за что и получил своё имя, но также хитростью и мудростью. Он пожелал узнать мой план, и я всё рассказал в подробностях. Вождь остался доволен. «Да помогут нам Солнце и звёзды», – сказал он, похлопывая меня по плечу.

Рано утром, едва солнце осветило верхушки деревьев, все мужчины были на ногах. Быстро перекусили, и я повёл охотников тренироваться в стрельбе из новых луков. Неподалёку от становища один из холмов имел очень крутой склон. Деревья здесь не росли: лишь трава и низкий кустарник. В этом месте я и устроил стрельбище.

Мишенями служили несколько толстых веток, воткнутых в землю. С расстояния примерно в восемьдесят метров охотники посылали стрелы в цель, и с каждым разом у них это получалось всё лучше и лучше. Каждая ветка изображала собой врага, и выстрел считался удачным лишь тогда, когда стрела втыкалась в мягкий грунт холма рядом с веткой или попала в неё, что случалось нечасто. Я тренировался вместе со всеми.

– Представьте, что враги перед вами, – говорил я своим ученикам. – Надо стрелять не только метко, но и быстро, ведь их много, и они не будут стоять на месте и ждать, когда вы прицелитесь.

Через некоторое время я сделал вывод, что мужчины достаточно хорошо освоили новое оружие. Пора было выступать навстречу противнику. Охотники собрали стрелы и по команде

Сына Медведя отправились вверх по течению реки. Четверо из них всё же остались в становище, чтобы у женщин и детей была защита на случай нападения хищников.

Несколько часов мы в быстром темпе продвигались вперёд. В полдень сделали привал и пообедали копчёной олениной. Напившись из реки, продолжили стремительно сближаться с врагом.

И вот мы достигли места, которое я выбрал для засады. До этого момента отряд шёл в непосредственной близости от реки, так как холмы вплотную подступали к ней. Теперь же мы свернули круто влево. Двигаясь в лесу по дуге, прошли метров двести и остановились на лесной опушке.

Здесь на протяжении трёхсот шагов местность была абсолютно открытая. Невысокая трава качалась под лёгким ветерком, который дул в нашу сторону. Мы рассредоточились вдоль крайних деревьев и замаскировались.

Ждать пришлось чуть больше часа. Я заранее предупредил мужчин о приближении врагов. И вот они появились, двигаясь плотной группой. Чужие охотники шли по следам, оставленным племенем Кикнауца, и особенно не заботились о своей безопасности.

Наученный мною, Сын Медведя дождался момента, когда все они оказались на линии огня, и дал команду стрелять. Враги были застигнуты врасплох. Многие из них упали, пронзённые стрелами. Оставшиеся попытались оказать сопротивление, стреляя в нашу сторону, но мы находились вне зоны действия их слабых луков. В то же время наши выстрелы часто достигали цели. Видя, как один за другим падают их соплеменники, чужаки запаниковали и бросились бежать в ту сторону, откуда пришли, однако наши стрелы не позволили уйти никому. Лишь двое юношей правильно сориентировались. Они бросили своё оружие и, прыгнув в воду, быстро поплыли к противоположному берегу реки.

Охотники опустили луки и восторженно переглядывались между собой.

– Спасибо тебе, Сергей! – с чувством произнёс Кикнауч. – Ты смелый и умный воин, без тебя мы бы с ними не справились.

Я кивнул, принимая его похвалу, и мы с группой охотников пошли посмотреть на поверженных врагов. Кикнауч беспечно приблизился к груде мёртвых тел, как вдруг один из раненых чужаков, привстав на колени, выстрелил в него из лука. Вождь схватился за грудь, ноги его подкосились, и он ничком упал на землю. Подоспевшие мужчины выпустили в непрошеного гостя не менее десятка стрел, а затем, озверев, добили копьями остальных раненых. С противоположного берега за ними со страхом наблюдали спасшиеся враги. Не сговариваясь, они побежали навстречу остаткам своего племени.

Воины окружили Кикнауца. Встав на колени, я бережно перевернул его на спину и пощупал пульс, хотя и так всё было ясно. Вражеская стрела попала прямо в сердце. Племя лишилось своего вождя.

Охотники плакали, не стыдясь слёз. По приказу Сына Медведя мужчины сломали ветки и соорудили примитивные носилки. Положив на них тело Кикнауца, они весь долгий путь до становища несли его на руках, сменяясь по четыре человека. Ночь выдалась светлая, и отряд продвигался без остановок. Противоречивые чувства охватили людей, о чём они тихо переговаривались друг с другом. С одной стороны всех восхищала наша победа над общим врагом, с другой – нелепая смерть вождя приводила в уныние.

На рассвете мы приблизились к становищу. Дозорные первыми заметили нас и бросились будить спящих людей. Весть о нашей победе быстро разнеслась по посёлку. Даже гибель Кикнауца не смогла омрачить охватившее всех ликование. Его тело положили под крону раскидистого ясеня, чтобы погибшего вождя не потревожили жаркие солнечные лучи.

Люди, вернувшиеся из похода, очень устали. Они сутки не смыкали глаз и теперь, наскоро подкрепившись, легли спать.

В посёлке не осталось запасов мяса. Я подозвал к себе четверых мужчин, которые дежурили в наше отсутствие и устали меньше нас:

– Возьмите новые луки и идите на охоту – олени рядом.

Я указал им точное направление; затем, удобно устроившись на траве под большим кустом, тут же уснул.

...Проснулся я ближе к вечеру. Напившись из ручья, впадающего в реку рядом со становищем, подошёл к одному из костров. Запах жареной оленины распространялся далеко вокруг. Охотники во главе с Сыном Медведя приветствовали меня. Мы ели не торопясь, вспоминая события вчерашнего дня.

После ужина занялись похоронами Кикнауца. Используя большие кости, мужчины вырыли яму на опушке леса. В неё опустили тело вождя, накрыв его лучшими шкурами. Рядом положили оружие: копьё, лук со стрелами, каменный топор. Всё это должно было послужить погребению воину в мире мёртвых.

Плачущую вдову женщины увели в сторонку. Каждый соплеменник подходил к могиле и бросал в неё горсть земли. Затем насыпали небольшой холмик и вкатили на него несколько тяжёлых камней, чтобы дикие звери не смогли разрыть могилу.

Мужчины вернулись к кострам. Ко мне обратились охотники моего племени:

– Сергей, будь вождём!

Мне было лестно слышать такие слова, но я отказался:

– Давайте объединимся. Вы уже убедились, что когда мы вместе, нам не страшен любой враг. Пусть Сын Медведя будет вождём большого и сильного племени!

Громкими одобрительными возгласами меня поддержали все присутствующие мужчины. Охотники обоих племён подходили друг к другу и обнимались, радуясь тому, что теперь они всегда будут вместе. Сын Медведя с достоинством принимал почести, оказываемые ему новыми соплеменниками, и я поймал его изумлённый взгляд. Вождь словно изучал меня, пытаясь предугадать, какие ещё сюрпризы в ближайшее время преподнесёт посланец звёзд.

Но где ему проникнуть в мои мысли! Я взял большую охапку хвороста и бросил в костёр. Высоко взлетевшие искры осветили радостные лица мужчин. «Пусть веселятся, – подумал я. – Ведь сегодня у них действительно праздник!»

Глава 4

На следующее утро я подошёл к Сыну Медведя. Он пребывал в благодушном настроении.

– Садись, Сергей, и поведай мне, чем занимаются наши враги?

– Они напуганы и повернули обратно.

– Хорошо. А больше нам ничто не угрожает?

– В ближайшее время неизбежны столкновения с ещё более сильными племенами, и я не уверен, выдержим ли мы их натиск.

На самом деле это было неправдой, но я преследовал свою цель и сознательно пошёл на обман, причём безо всякого риска быть разоблачённым, ведь мой авторитет в племени стал очень высок. К тому же, то, что сегодня являлось ложью, через некоторое время могло обернуться горькой правдой, и кто знает, как сложилась бы судьба племени Сына Медведя, не обмани я его в этот раз. Видимо, это и называется ложью во спасение.

– Что же нам делать? – спросил вождь, с тревогой глядя мне в глаза.

– Я знаю дорогу в прекрасную страну. Там полно непуганой дичи и мало врагов.

– Враги есть враги, – возразил Сын Медведя.

– Племена, живущие там, малочисленны. Они разобщены, и мы с ними легко справимся.

Мой собеседник недоверчиво посмотрел на меня.

– И как далеко находится эта благословенная земля? – спросил он.

– Совсем близко. Немного пройти по суше, немного проплыть по большой солёной воде...

Вождь нахмурился.

– Мы боимся большой воды, да и на чём поплывём?

– Доверься мне, мудрый вождь. Звёзды послали меня сюда, чтобы сбересть твоё племя.

Сын Медведя задумался.

– Сам я не могу принять такое важное решение, нужно посоветоваться с охотниками.

– Посоветуйся, а пока у меня к тебе просьба.

– Говори.

– Я хочу жениться, – произнёс я, заранее зная, что вождь мне не откажет. В племени Сына Медведя существовал обычай, по которому молодые люди могли вступить в совместную жизнь только с согласия вождя. Правда, такое разрешение давалось практически всегда, однако, попросить я был обязан.

– И кто же она? – поинтересовался Сын Медведя, одобрительно глядя на меня.

– Её зовут Клушта.

Вождь подозвал к себе одну из женщин и приказал привести мою возлюбленную. Не прошло и пяти минут, как та явилась.

– Клушта, согласна ли ты стать женой Сергея? – мягко спросил Сын Медведя.

– Да, – зардевшись, ответила девушка.

Вождь встал и вложил в мою правую руку ладонь моей избранницы.

– Отныне вы муж и жена, – торжественно объявил он. – Любите друг друга, и пусть звёзды скрепят ваш союз.

На том процедура бракосочетания и завершилась. Я поблагодарил вождя, и мы с Клуштой, по-прежнему держась за руки, пошли выбирать место для нашей будущей хижины.

Вечером того же дня Сын Медведя собрал охотников на совет. Мнения мужчин разделились. Самые смелые и решительные поддержали моё предложение, осторожные и трусливые (их было меньшинство) колебались.

Всё решила краткая речь всеми уважаемого охотника по имени Выдра:

– Сергей силён, как медведь, ловок, как рысь. Он видит дальше беркута. Посланец звёзд дал нам новое оружие, помог победить врагов. Сегодня он взял в жёны девушку нашего племени, Сергей один из нас. Я пойду с ним.

Вождь положил конец спорам:

– Сергей – посланец звёзд. С ним мы будем в безопасности. Его слово твёрдо, как кремень. Я, Сын Медведя, верю ему.

Поднявшись со своего места, я поблагодарил мужчин за доверие и объявил, что времени у нас в запасе немного и нужно готовиться к походу. Оживлённо переговариваясь, охотники разошлись и стали устраиваться на ночлег.

...Ранним утром меня разбудил громкий щебет проснувшихся птиц, которые радостно встречали восход вечного светила. Я осторожно выскользнул из объятий спящей Клушты и, надев кроссовки, вышел из нашей хижины. Лёгкий туман клубился над рекой. А над лесом, на противоположном берегу, небо было ещё тёмным, когда вершины зелёных великанов стали окрашиваться в розовато-жёлтые тона. Потом макушки деревьев начали покрываться позолотой, и вдруг они словно вспыхнули в ярких лучах солнца, край которого стал медленно подниматься над холмами, окружавшими наше становище.

С восторгом следил я за великолепным пробуждением природы. Вдохнув всей грудью свежий утренний воздух, сладко потянулся и пошёл к ручью умыться. Затем, подойдя к костру, возле которого сидел вождь, я приветствовал его и сел рядом.

– Когда двинемся в путь, Сергей? – спросил Сын Медведя.

– Да хоть завтра, но нам понадобится очень много оленьих шкур.

– У нас есть небольшой запас, кроме того, снимем ещё с хижин.

– Думаю, что и этого не хватит, а имеющиеся шкуры нужно будет разрезать на ремни.

– Это зачем же?

– Для того чтобы переправиться через большую солёную воду. Ремнями мы свяжем брёвна, сядем на них и поплывём.

– Это ты здорово придумал, Сергей, – задумчиво сказал вождь. – Но всё равно страшновато.

– Всё пройдёт успешно, – успокаивающе сказал я и благодарно кивнул охотнику, который предложил мне хорошо прожаренный кусок мяса.

После завтрака я обошёл всё становище, пересчитывая шкуры и оценивая их качество. Для моей затеи нескольких десятков всё же не хватало. «Ничего, добудем по дороге», – подумал я и пошёл проведать молодую жену.

Вечером я объявил охотникам о своём решении:

– Выступаем завтра. Маршрут выбираю я, за безопасность похода отвечаю тоже я. Всем нам придётся потрудиться, зато потом вы останетесь довольны.

Многим в эту ночь не спалось. Людей страшило неизведанное. Но решение принято, а Сергей сказал, что на новом месте будет гораздо лучше. Может, так оно и есть?

Утром после завтрака племя готовилось к походу. Разобрали все хижины, свернули шкуры и сложили в мешки, которые доверили нести женщинам, не имеющим маленьких детей. Среди подростков распределили запасы копчёного мяса и оружия.

Я кивнул Сыну Медведя: пора. Он дал команду, и мы двинулись в путь. Сначала я повёл людей на северо-восток. Мы поднялись на холм, последний раз оглянулись на покинутое становище и углубились в лес. Этим маршрутом мы шли два дня. Нам пришлось перейти вброд верховья двух малых рек. Охотники подстрелили из новых луков восемнадцать оленей, тем самым пополнив запас шкур. Погода стояла по-настоящему летняя. Днём было жарко, но наш путь в основном пролегал под густой сенью деревьев, и солнце редко обжигало нас своими лучами. Иногда я немного отклонялся в сторону и приводил доверившихся мне людей к бли-

жайшему лесному роднику. Мужчины поражались, как легко я нахожу дорогу в незнакомой местности.

– Зачем ты нас ведёшь вокруг этого холма? – спросил меня как-то Сын Медведя. – Он не такой уж высокий. Лучше бы мы пошли прямо.

– Я бы так и поступил, но там медведица с медвежатами. Не стоит её тревожить, мудрый вождь.

– В таком случае ты прав, – важно сказал Сын Медведя, заметив, что к нашему разговору прислушиваются идущие рядом охотники. После этого эпизода он надолго перестал вмешиваться в мои действия.

Мы ночевали у костров под открытым небом. Чужаков встретили лишь один раз, но их было мало, и стычки не произошло. Утром третьего дня пути я изменил направление. Теперь мы шли на север. Некоторое время двигались по дуге, обходя охотничьи уголья сильного местного племени. По дороге продолжали пополнять запас оленьих шкур, пока я не решил, что уже имеющихся вполне достаточно для выполнения моего плана.

...Наступило очередное утро. Я проснулся и сел, осмотревшись по сторонам. Все мои соплеменники ещё спали, но Клушты рядом не оказалось. Не знаю, что именно меня встревожило, но я немедленно включил «внутренний телевизор» и принялся её искать. Убедившись, что жены нет в радиусе ста метров, я вскочил на ноги и стал внимательно рассматривать землю возле себя. Вскоре обнаружил глубокие отпечатки босых мужских ног, уходящие вглубь леса. Очевидно, похититель унёс мою жену на руках.

Схватив лук и стрелы, я быстро пошёл по следам, продолжая использовать свои необычные способности. Мой противник прекрасно ориентировался в лесу и был опытным охотником. Он два раза менял направление и некоторое время шёл по руслу ручья, чтобы сбить преследователей со следа. Но он не знал, с кем связался. Постепенно расширяя сектор обзора, я обнаружил его в каких-нибудь пяти километрах от себя. Тут уж я побежал, выбрав наиболее короткий и вместе с тем удобный маршрут, и через четверть часа приблизился к наглецу настолько, что перешёл на шаг, чтобы успокоить дыхание.

К своему великому разочарованию, я «увидел», что соплеменники похитителя находятся совсем близко. Тем не менее, совесть не позволила мне стрелять в спину ничего не подозревающему человеку.

– Эй, ты! – окликнул я его.

Чужак немедленно развернулся ко мне лицом, продолжая придерживать правой рукой мою жену, которую он перекинул через плечо. Клушта совершенно не сопротивлялась, её руки безвольно свисали вдоль мускулистого торса молодого мужчины.

– Эта женщина принадлежит мне! – гневно сказал я, указывая на Клушту и продолжая медленно приближаться к похитителю. Мой противник обладал высоким ростом и, по всей видимости, большой физической силой. Трусом он явно не был, однако в этот момент выражение моего лица могло напугать кого угодно. К тому же моя одежда и вооружение настолько отличались от того, к чему он привык, что чужой охотник пришёл в замешательство. Интуитивно почувствовав исходящую от меня смертельную опасность, молодой мужчина положил Клушту на траву и невольно попятился, а затем в три прыжка скрылся за деревьями.

Я занялся осмотром жены. Она была без сознания, а на её лице начинали проступать огромные синяки. «Вот сволочь!» – подумал я о похитителе. Осторожно взяв свою любимую на руки, пошёл к журчащему неподалёку ручью и аккуратно опустил девушку на траву. Побрызгав холодной водой на лицо жены, я ненадолго привёл её в чувство.

– Сергей, любимый, – с трудом произнесла она, опять закрывая глаза. «Очевидно, у Клушты сотрясение мозга», – поставил я диагноз, вновь поднимая девушку на руки. Как ни странно, но нас никто не преследовал. Я бережно нёс жену до самой стоянки моего племени. Увидев нас, все обрадовались, а в особенности двое ночных сторожей, которым крепко доста-

лось от вождя за то, что они своей беспечностью подвергли соплеменников огромной опасности.

Быстро соорудив носилки для Клушты, мы снова отправились в путь, подальше от становища чужого племени. Девятый день нашего перехода подходил к концу, когда лес впереди стал расступаться. Свежий ветер принёс запах солёного морского воздуха, послышались крики чаек. Собравшись на берегу, люди смотрели на море, поверхность которого покрывали белые барашки волн. Дети в восторге бегали у самой воды, бросали в море мелкие камешки, подставляя лица под солёные брызги. Они были так возбуждены, что взрослые никак не могли их успокоить.

Солнце садилось. Пора было устраиваться на ночлег. Сын Медведя зычным голосом дал команду, и племя вернулось под привычную сень деревьев. Рядом с небольшим ручейком развели костры и поджарили припасённую оленину. Настроение у всех было приподнятое. Я предупредил охотников, чтоб не вздумали купаться в море. Оно коварно, в нём есть невидимые глазу течения, которые унесут в безбрежную даль самого сильного пловца.

Утром Сын Медведя с несколькими мужчинами ушли охотиться. Я собрал оставшихся охотников и объяснил им, что они должны делать. Для постройки плотов требовалось свалить свыше сотни деревьев.

Кроме каменных топоров да сильных мужских рук ничего подходящего для этой тяжёлой работы у нас не было. Однако я придумал, как выйти из создавшейся ситуации. Вокруг выбранных мною деревьев люди укладывали кучки хвороста и поджигали его, следя за тем, чтобы не начался лесной пожар. Крупные горящие головни ветками придвигали вплотную к стволам. Затем каменными топорами подрубали обожжённые у основания деревья. Эту операцию повторяли многократно, пока не удавалось значительно уменьшить толщину ствола.

Потом мы с вождём подходили к одному из таких деревьев. Ещё двое сильных мужчин помогали нам, упираясь в ствол крепкими рогатинами.

– Навались! – кричал я, и вскоре лесной красавец с шумом падал на землю.

После этого пережигали у основания крупные ветви, отсекали мелкие и при помощи огня и топоров укорачивали получившиеся брёвна до нужной длины. Работа продвигалась быстро. Одновременно мне приходилось периодически «следить» за двумя местными племенами, становища которых находились на значительном удалении от нашего лагеря, но их мужчины во время охоты иногда приближались к нам довольно близко. В таких случаях я приказывал гасить костры, для того чтобы чужие охотники нас не обнаружили.

Едва мы успели справиться с заготовкой брёвен, как погода испортилась. Вечером поднялся порывистый ветер, который принёс с собой мощные дождевые тучи, и прошёл сильный ливень. Я, конечно же, знал о предстоящей напасти и принял меры заранее. Часть охотников вместе с женщинами соорудили в лесу несколько больших хижин, которые сверху плотно накрыли шкурами. Во время ливня нам удалось остаться сухими, а главное – сохранить огонь.

Когда потоки воды перестали низвергаться с неба, мы разожгли три больших костра и грелись возле них до утра.

– Завтра будем отдыхать, – сказал я мужчинам. – Всё равно слишком сыро и холодно.

Лишь только стали рассеиваться ночные сумерки, вождь с группой охотников решил сходить к морю, со стороны которого доносился непривычный для их слуха шум разбушевавшейся стихии. Я пошёл с ними. Едва выйдя из леса, мужчины в смятении остановились, увидев необычное для них зрелище. Огромные волны с силой обрушивались на берег, который, казалось, содрогался от сокрушительных ударов. Солёные брызги долетали до наших лиц. Бушующая поверхность моря на горизонте сливалась с таким же мрачным небом. Некоторое время все стояли молча. Потом Сын Медведя задумчиво спросил:

– Сергей, ты уверен, что плохая погода не застанет нас посреди моря, и мы сможем благополучно добраться до цели?

– Да. Я могу точно предсказать погоду на два дня вперёд. Вспомни сегодняшнюю ночь – ведь я предупредил тебя заранее, что с неба обрушится много воды. Так и случилось.

Вождь удовлетворённо кивнул.

– Будь по-твоему, мудрый Сергей.

На третий день наконец-то распогодилось, и мы смогли продолжить работу. Сборка плотов происходила на некотором отдалении от кромки прибоя. Для этого доставленные из леса брёвна укладывали в один ряд параллельно друг другу. На двух соседних брёвнах при помощи кремневых ножей делали многочисленные кольцевые надрезы, счищая в этом месте кору и немного углубляясь в древесину. Я соединял брёвна заранее нарезанными ремнями, затягивая их концы морским узлом.

Ко второму бревну я таким же образом привязывал третье, к третьему – четвёртое, и так далее, пока не достигалась нужная ширина плота. Через несколько дней все десять плотов, размером примерно шесть на пять метров, были готовы.

Тем временем большая группа мужчин возилась с изготовлением вёсел. Наконец, сделали и их: по шесть на каждый плот и ещё по четыре запасных. Я не хотел рисковать: вдруг кто-нибудь упустит весло. Где взять новое посреди моря? Паруса решил не делать: переправа должна произойти в безветренную погоду при минимальном волнении моря.

К концу работы все мои соплеменники, включая самых маленьких детей, прекрасно выговаривали по-русски слова «плот», «весло» и «море». Стояла середина лета. Погода благоприятствовала моему замыслу, и я назначил переправу на следующий день.

Едва забрезжил рассвет, как всё племя было уже на ногах. Во что бы то ни стало нужно преодолеть пролив до наступления темноты. Ещё вечером я распределил людей по плотам. На каждом поплывут около двадцати пяти человек, из них: шестеро – мужчины и двое – сильные подростки, умеющие обращаться с веслом.

Быстро позавтракав, стали готовиться к отплытию. Все напились из ручья, женщины наполнили водой бурдюки, сшитые из шкур животных, взяли запасы копчёного мяса. Сначала аккуратно по одному подтащили плоты к линии прибоя, используя для этого длинные жерди, которые подкладывали под плот. Он как бы катился по роликам. Затем с помощью этих же жердей охотники и подростки спускали плоты в море и удерживали их, пока садились женщины и дети. Одни мужчины начинали грести изо всех сил, женщины помогали им руками. Другие отталкивали плот от берега, упираясь жердями в морское дно.

Всё прошло благополучно. Миновав полосу прибоя, плоты один за другим отправлялись в открытое море. Я находился на последнем из них, причём самый первый спущенный на воду плот успел проплыть метров двести. Охотники, находящиеся на нём, по команде старшего перестали грести. Мы заранее договорились, что мой плот отчалил последним, а потом займёт место во главе колонны.

Это было необходимо, так как лишь я один знал точный курс. Наконец моё плавучее средство обогнало все остальные, и наше путешествие продолжилось. На каждом плоту гребли шестеро: по трое с каждой стороны. Двое запасных гребцов тем временем отдыхали, по мере необходимости меня уставших. Люди оглядывались назад, в сторону исчезающего берега, и в их сердца закрадывалась тревога.

Но волноваться не стоило. Море было спокойным, и плоты мерно покачивались на небольших волнах. Чуть заметный попутный ветерок способствовал успешному осуществлению моего плана. На безоблачном небе ярко светило солнце. Хотя скорость движения была невелика, я знал, что к вечеру мы будем на месте.

Видя, что им ничто не угрожает, путешественники освоились, достали копчёное мясо и завели непринуждённые разговоры. Любопытный Зайчонок, сидящий рядом со мной, неожиданно спросил:

– Как далеко здесь до дна?

– Как если четыре высоких дерева поставить одно на другое, – ответил я, продолжая грести.

– Ого! А рыба здесь какая?

– Разная. Есть маленькая, как в реке, а бывает и крупнее.

– Насколько крупнее?

– Не намного, – решил я не пугать собравшихся на плоту.

Клушта тоже была здесь. Я встретил её взгляд и понял, как она гордится своим мужем, который так не похож на других людей.

– Как велики твои знания о мире вокруг нас, – с нескрываемым восхищением сказала она.

– Они гораздо больше, чем ты можешь себе представить, – непринуждённо ответил я. – Когда-нибудь о многом тебе расскажу.

День неумолимо подходил к концу.

– Внимательно смотри вперёд! – сказал я Зайчонку. – Скоро покажется земля.

Он даже моргать перестал, и через некоторое время возбуждённо закричал:

– Земля!

И действительно: на горизонте стали вырисовываться очертания суши, покрытой лесом. Настроение у всех улучшилось. У охотников словно сил прибавилось. Они налегли на вёсла, и часа через полтора мы высаживались на берег в уютной бухте.

«С прибытием в Англию! Теперь эта страна ваша», – сказал я по-русски. Но меня никто не понял.

Глава 5

Лес в месте высадки начинался недалеко от берега. Неожиданно из кустарника появилось семейство оленей. Четверо из них были взрослыми, а двое – ещё детёныши.

– Смотрите, людей не боятся! – воскликнул охотник по имени Джиг. Он тут же вскинул лук, и один из оленей упал замертво, пронзённый стрелой в шею. Сразу после этого ещё трое мужчин показали свою меткость, убив, в том числе и маленького оленёнка. Видя, что охотники собираются броситься в лес, чтобы преследовать двух оставшихся в живых оленей, я решил вмешаться в их неразумные действия.

– Остановитесь! Что вы делаете?! – крикнул я как можно громче, пытаясь унять азарт мужчин. – Подойдите ко мне!

Охотники нехотя подчинились и с недоумением уставились на меня.

– Что случилось, Сергей? – с тревогой в голосе спросил Сын Медведя, подойдя ближе. – Впереди опасность?

Мужчины обступили меня со всех сторон.

– Никакой опасности нет, – немного успокоившись, сказал я. – Просто прекратите охоту.

– Но почему?! – удивился Сын Медведя.

– Да потому что эта земля теперь ваша. Ваша навсегда, понимаете? Здесь будут жить ваши дети, дети ваших детей... Если вы начнёте убивать зверей без разбора, то что останется вашим потомкам?

– А ведь Сергей прав! – воскликнул вождь и добавил, обращаясь к мужчинам. – С этого момента будете охотиться только с моего разрешения, и убивать ровно столько оленей, сколько я прикажу. Все поняли?

Охотники согласно кивали, виновато улыбаясь.

– А если олень сам нападёт? – пошутил Джиг.

– Тогда прогонишь его палкой, – ответил Выдра под общий хохот.

Мысленно «сверившись по карте», я повёл племя вдоль побережья к ближайшему ручью. Следом семеро охотников тащили туши убитых оленей. Через некоторое время идущий рядом со мной Сын Медведя поинтересовался:

– Сергей, а как велика эта местность?

– Мы находимся на большом острове, – ответил я, прислушиваясь к плеску волн, медленно накатывающихся на берег. – Здесь живут племена охотников, но их гораздо меньше, чем за морем, поэтому большой опасности для нас они не представляют.

– Замечательно! – воскликнул вождь. – Мало врагов и много дичи. Это как раз то, что нам нужно.

«Для начала сойдёт, – мысленно согласился я. – Хотя аппетит приходит во время еды. В дальнейшем потомки людей, которые сейчас меня окружают, захотят гораздо большего. Моя задача – развить в них лучшие человеческие качества. Если это удастся, то с такими людьми мне не будут страшны никакие трудности».

Подойдя к ручью, люди утолили жажду. Подростки принесли хворост, и десятки пар любопытных глаз наблюдали, как я разжигал костёр при помощи спичек.

После ужина я сидел рядом с вождём и задумчиво смотрел на огонь.

– Нам понадобятся зимние шкуры. Поэтому зверей мы, конечно, бить будем. Но не больше, чем сможем съесть.

– Согласен, – ответил Сын Медведя.

...Утром следующего дня, взяв с собой Выдру и ещё пятерых охотников, я пошёл на разведку. Вождь поручил мне найти подходящее место для зимовки. Кое-какие соображения на этот счёт у меня уже имелись. Поднявшись по течению ручья километра на два, мы нашли

его исток. Это был большой родник, расположенный в ложбине между двух невысоких холмов. Местность почти полностью покрывал густой лес. Я присел на траву и предоставил мужчинам полную свободу действий. Они разбрелись по склону холма и вскоре обнаружили две большие пещеры. В них без труда могло поместиться всё племя.

– Сергей, посмотри, что мы нашли! – возбуждённо крикнул Выдра. «Нашли – и молодцы», – лениво подумал я, но всё-таки встал и пошёл к охотникам, всем своим поведением изображая живой интерес.

Внимательно осмотрев наше будущее жильё и убедившись, что оно как нельзя лучше подходит для нашего племени, мы повернули обратно. По дороге нам часто попадались медвежьи и кабаньи следы. Лес прямо-таки кишел живностью. Мимо нас прошмыгнул заяц, за которым гналась лиса. Рыжие белки перепрыгивали с ветки на ветку. Отовсюду слышалось пение птиц, а неподалёку трещали кусты. Это олени шли на водопой.

– Сергей, – обратился ко мне Выдра. – Мы все так рады, что поверили тебе и перебрались сюда. Эта земля так богата!

– Вы будете здесь счастливы, – ответил я. – Но когда-нибудь и другие племена захотят переплыть море и поселиться на этой земле.

– Мы их не пустим! – серьёзно сказал Выдра.

Вернувшись на побережье, мы подошли к поджидавшим нас соплеменникам. Выслушав известие об обнаруженных пещерах, Сын Медведя приказал всем собраться. Это было не лишним, так как некоторые подростки могли заиграться в лесу и отстать от своих.

Все оказались в сборе, и люди цепочкой пошли вдоль ручья. По пути я обратил внимание вождя на то, что вокруг много хищников, поэтому дети и женщины не должны уходить далеко от пещер без сопровождения вооружённых охотников. Да и мужчинам желательно не ходить поодиночке.

Новое становище всем понравилось. Люди принялись благоустраивать пещеры, которые раньше служили логовом для хищников. Всё лишнее выбросили подальше, устроили постели из свежей травы. Вождь с удовлетворением отметил, что пещеры находятся недалеко друг от друга, а это значит, что ночным сторожам будет легче нести свою вахту. Меня же Сын Медведя избавил от этой обязанности. «Направь свои помыслы в другом направлении», – сказал он, указывая в сторону улыбающейся Клушты. «Спасибо, ты настоящий друг», – благодарно кивнув, подумал я.

Следующий день выдался пасмурным. Хмурые серые тучи нависли над вершинами деревьев, изредка проливаясь мелким дождём.

Сломав две ветки ясеня, я обжёг их концы на огне. Получились прочные заострённые палки. Мы с Клуштой взяли четыре корзины и спустились немного вниз по течению ручья. Используя одну из палок, я начал подкапывать верхний слой дёрна. Жена мне помогала. Мы освободили приличный участок от травы, и стали копать глубже, отбрасывая землю руками. Через некоторое время добрались до слоя жёлтой глины. Ею мы наполнили корзины и вернулись в становище.

– Серёжа, зачем нам эта жёлтая земля? – спросила Клушта.

– Это не земля, а глина, – ответил я по-русски.

– Глина, – повторила жена. – А зачем она?

– Из неё мы сделаем посуду.

– Посуда. А что это такое?

– Потерпи немного и скоро всё сама увидишь.

Я вытряхнул глину из одной корзины и смочил её водой из ручья. Затем обмазал толстым слоем корзину внутри и снаружи. Ещё немного смочил водой и хорошенько пригладил руками. Такую же операцию повторил с оставшимися корзинами.

Готовые горшки отнёс в самый дальний угол пещеры, где за ширмой из оленьих шкур располагалась наша с Клуштой «спальня», и куда вход другим обитателям пещеры был запрещён. Исключение сделали лишь для Шекны, поскольку она по-прежнему была дружна с моей женой.

Весь следующий день я вырезал своим ножиком из ветки липы две деревянные ложки. Делать это было крайне неудобно, так как у меня отсутствовал специальный инструмент для резьбы по дереву. Лезвия ножа постоянно тупились, и я то и дело затачивал их о камень. Всё-таки для начинающего резчика ложки получились на славу.

«Как же много времени должно ещё пройти, прежде чем я снова смогу воспользоваться всеми благами цивилизации, – думалось мне во время работы. – Но ничего, как говорили (или будут говорить) в России: „Терпенье и труд всё перетрут“. Теперь, находясь в каменном веке, среди людей, одетых в звериные шкуры, я всё чаще вспоминал свою прежнюю жизнь и сравнивал её с жизнью нынешней.

С одной стороны мне не хватало книг, газет, выпусков новостей, трансляций спортивных событий по телевизору. С другой – та жизнь хоть и была комфортной в бытовом плане, но вместе с тем в ней присутствовали плохая экология, людские пороки, большой разрыв между доходами богатых и бедных людей.

В новом же мире вода чистейшая, воздух свежайший, пища натуральная. Первобытные люди не знают, что такое имущественное расслоение. К тому же, они ещё не научились лгать и притворяться.

Готовые ложки я спрятал в пещере, пока там не было Клушты. Пусть для неё это будет сюрпризом.

Клушта... Я прикипел к этой весёлой сообразительной девушке всем сердцем. Она помогла мне выучить язык племени, сама уже многое могла сказать по-русски. Мне нравились тембр её голоса и та непосредственность, с которой она общалась со мной.

...Через несколько дней я решил, что мои горшки достаточно просохли, и пора их обжигать. Утром вынес их из пещеры и поставил в костёр на небольшой огонь. Всё, что было сделано из прутьев, при этом выгорело. Хворост в костёр я подкладывал понемногу, чтобы от сильного пламени посуда не потрескалась. Так прошло часов семь. Я взял толстую ветку и осторожно выкатил горшки из огня. Внимательно их оглядел: замечательно, нигде ни одной трещины.

Дождавшись, когда горшки окончательно остынут, два из них унёс обратно в пещеру. Остальные наполнил водой и поставил на малый огонь. Когда вода закипела, бросил в посуду нарезанные куски мяса. У меня оставалось немного соли, и я посолил своё варево.

Целый день обитатели становища внимательно следили за моими действиями. Зайчонок постоянно приставал с расспросами, и даже Сын Медведя сидел рядом и восхищённо цокал языком, видя, как кипит вода.

– Огонь нагревает горшок, он в свою очередь нагревает воду. Вода кипит, и в ней варится мясо, – терпеливо объяснял я любопытным наблюдателям. – Скоро попробуете и всё поймёте.

Мясо сварилось, но вода продолжала кипеть. Тогда я взял ветку и отодвинул горячие головешки подальше от горшков, сказав при этом: «Подождём, пусть немного остынет». Над посудинами поднимался пар. Через некоторое время я достал из-за пазухи две ложки и одну протянул вождю.

– Сын Медведя, прими этот скромный дар.

Я зачерпнул своей ложкой небольшой кусок мяса и стал на него дуть. Вождь повторил мой манёвр.

Когда мясо, наконец, оказалось у него во рту, он замер на несколько секунд. Затем принялся энергично работать челюстями, блаженно улыбаясь. Окружавшие нас охотники стали слглатывать слюнки. Им тоже не терпелось попробовать новое «блюдо». Я наспех прожевал пару

кусков и отдал свою ложку Выдре. Сын Медведя тоже не стал жадничать и, в свою очередь, передал ложку Зубу Волка.

Постепенно все мужчины попробовали варёное мясо. Они ели и нахваливали. Вскоре горшки опустели. Тогда Клушта с Шекной снова наполнили их водой и сами принялись стряпать. Я подошёл к вождю.

– Сын Медведя! Прикажи мужчинам сделать как можно больше ложек, чтобы их всем хватило.

– Хорошо, Сергей. Завтра они этим займутся, только ты покажи им, как это надо делать. Женщинам варёное мясо тоже понравилось, несмотря на то, что соли им не досталось.

На следующий день в становище развернулась бурная деятельность. Клушта повела часть женщин копать глину. Другие плели корзины. Проходя мимо вождя, я заметил, как он сочувственно смотрит на охотников, которые при помощи своих примитивных кремневых ножей пытаются изготовить ложки.

Я достал из кармана свой нож и показал его Сыну Медведя.

– Он сделан из железа, а оно прочнее кремня. Если ты согласишься, то весной я отведу племя туда, где этого железа много, и научу вас делать из него ножи, наконечники для копий и стрел, и ещё многое другое, о чём вы понятия не имеете.

Сын Медведя перевёл взгляд с ножа на меня. Глаза его светились теплотой.

– Сергей, после меня вождём будешь ты, да и сейчас любое твоё желание будет исполнено. Я знаю, что все твои помыслы направлены на то, чтобы люди жили счастливо.

– Согласен. Ведь звёзды хотят именно этого. А теперь дай мне несколько человек, я спущусь с ними к морю.

– Зачем? – заинтересовался вождь.

– Будем добывать из морской воды соль.

– Бери кого хочешь, – одобрительно глядя на меня, сказал Сын Медведя.

Взяв из пещеры два горшка, я подозвал к себе пятерых охотников и пошёл с ними к морю. Зайчонок и его друг Окунёк увязались за нами. Один из мужчин нёс кусок коры с горячими угольками – я решил беречь спички. На опушке леса мы разложили костёр и поставили на огонь глиняные ёмкости, полные морской воды. Мужчины уселись возле костра и не спеша подбрасывали хворост, который тут же охватывали яркие языки пламени. Глядя на спокойное море, несущее неторопливые волны к пологому берегу, соплеменники разговорились.

– Скажи, Сергей, – обратился ко мне охотник по имени Сокол. – Почему вода в море солёная?

– Давным-давно вода в море была пресная, но потом постепенно стала солёная, потому что соль принесли реки.

– Но мы же пьём воду из реки, а она не солёная, – вмешался Зайчонок, который, наконец-то, уgomонился, перестав сновать по лесу в поисках сухого валежника, и стал прислушиваться к разговору взрослых.

– В речной воде так мало соли, что мы её не ощущаем, – объяснил я. – Но, попадая в море, соль накапливается. Со временем морскую воду стало невозможно пить.

За разговорами время прошло незаметно. Вода в горшках выкипела, и мы сняли их с огня. Дождавшись, когда посуда остынет, я осторожно пересыпал добытую соль в мешочек. Её оказалось совсем немного. К вечеру мы вернулись в становище, оставив глиняные сосуды на побережье, с тем, чтобы завтра продолжить начатую работу. Я показал соль Сыну Медведя.

– Так мало? – удивился он.

– Ничего не поделаешь: столько соли содержат два горшка морской воды. Вот если бы горшков было гораздо больше...

– То и соли получилось бы больше, – закончил вождь мою мысль. – Ничего, горшков у нас скоро будет много.

И действительно. Через шесть дней десять мужчин выпаривали соль из тридцати округлых глиняных сосудов, разложив костры цепочкой по побережью. Новые горшки принципиально отличались от старых тем, что имели ручки, за которые их было удобно держать. Скоро в племени появилась и другая посуда из обожжённой глины: миски, кружки и кувшины. Женщины научились украшать её при помощи разнообразных орнаментов.

Вообще люди этого племени отличались сообразительностью. Как правило, стоило им один раз что-нибудь показать или хорошенько объяснить, – и можно было не опасаться за результат порученной работы. Мужчины были отважны, но не кровожадны. Женщины – изобретательны и верны своим мужьям. Именно за эти качества я и выбрал племя Кикнауца для своей цели. Люди Сына Медведя имели те же достоинства. События последних недель сценировали оба племени в одно целое. Я заметил, что и небольшие языковые различия между ними постепенно начинают исчезать.

Мне удалось полностью освоиться среди этих людей. Со временем я почувствовал, что не могу представить без них своего дальнейшего существования. Многим я симпатизировал, ко мне же мужчины племени относились с искренним уважением. Сын Медведя всё это прекрасно видел, но ревности по отношению ко мне не испытывал. Он был действительно мудр и понимал, как выиграло племя от того, что приняло меня в свою семью. Я же, со своей стороны, подчёркнуто корректно относился к вождю, полностью признавая его власть и ничего не предпринимая без его согласия.

Я постоянно вёл отсчёт прожитому времени. Июль заканчивался, а мне казалось, будто прошла целая вечность с того момента, как я оказался в прошлом. Порой меня охватывала такая ностальгия по *той* жизни, что хотелось выть, как одинокому волку, который, сидя на опушке тёмного леса, жалуется луне на свою тяжёлую судьбу. Глядя на её постоянно печальный лик, серому разбойнику становится ещё тоскливее, и от этого ещё заунывнее звучит его песня. В такие минуты я старался уйти вглубь леса, чтобы никто не мог нарушить моего единения с природой. Только она восстанавливала моё душевное равновесие и давала силу, чтобы идти к намеченной цели.

Прошлое постепенно уходило от меня всё дальше. Я свикся с тем, что никогда уже не увижу своих родных и друзей. Однако они навсегда остались в моей памяти. Иногда я мысленно советовался с отцом, и после таких виртуальных бесед мне становилось немного легче. Я чувствовал, что он полностью одобрил бы мой выбор, но, с другой стороны – мог ли я вообще выбирать в той ситуации, в которую меня поставили пришельцы? «Прошлого не вернёшь, – решил я. – Надо жить настоящим и строить планы на будущее».

Теперь, когда была сделана глиняная посуда, у меня появилась возможность сварить мыло. Для этого я взял жир от нескольких убитых волков и поместил в большой горшок. В другую посудину насыпал золы из костра и налил туда воды, хорошенько перемешав. Потом, подогрев до кипения, дал отстояться несколько часов и осторожно, чтобы не попала зола, слил воду в горшок с жиром. Опять всё тщательно перемешал и поставил на слабый огонь.

Клушта сидела рядом, внимательно наблюдая за моими действиями, и терпеливо ждала, когда я закончу «колдовать» над непонятным потихоньку булькающим варевом. Я продолжал его периодически помешивать, и, наконец, оно загустело настолько, что я решил снять его с огня.

Дав немного остыть, стал накладывать ложкой получившуюся смесь в заранее сделанные коробочки из обожжённой глины. Потом остывшие бруски вытряхнул на траву, постукивая палкой по дну коробочек. Взяв один из брусков, я поднёс его к носу: пахло отвратительно. Но всё-таки это было мыло, в чём я убедился, вымыв в ручье несколько мисок. Запасы мыла Клушта сложила в пещере в одной из ниш. Впоследствии она выдавала его женщинам по мере необходимости.

Уже почти два месяца я не мылся по-настоящему, поэтому в тот же день, как мыло было сварено, мы с Клуштой спустились ближе к морю, взяв с собой один из горшков и миску. Кроме того, я нёс каменный топор и копьё, поскольку начинало вечереть, и можно было наткнуться на какого-нибудь хищника.

Отойдя подальше от становища, мы с женой остановились на небольшой поляне. Здесь было тихо, и в лучах заходящего солнца деревья казались задумчивыми великанами, которые прислушиваются к лесным шорохам и журчанию маленького ручейка, бегущего среди их корней. Выбрав подходящее место, мы разожгли костёр. Я набрал из ручья полный горшок воды и поставил его на огонь. Пока раздевался, вода нагрелась.

Я уже собирался приступить к водным процедурам, как вдруг почувствовал приближающуюся опасность. Резко обернувшись, увидел, что двое подростков стремглав бегут из леса в нашу сторону. Заметив меня, они припустили ещё быстрее, и вскоре я понял причину их панического бегства. Метрах в пятнадцати от моих юных соплеменников нёсся разъярённый вепрь, в левом боку которого торчал обломок стрелы. Схватив оружие, я приготовился к обороне.

Жена, увидев кабана, взвизгнула и перепрыгнула на другую сторону ручья. Подростки, сделав последний отчаянный рывок, последовали её примеру. Вепрь, который успел сократить расстояние между собой и своими обидчиками, оказался чуть наискось от меня. В этот момент я изловчился и метнул копьё, попав зверю в шею, однако рана оказалась не смертельной. Перехватив в правую руку топор, я со всей силы ударил секача обухом между глаз, но он по инерции неминуемо должен был зацепить мои ноги своими страшными клыками. К моему удивлению, этого не случилось. Словно наткнувшись на что-то невидимое, зверь резко остановился, и его повело в бок. Воспользовавшись этим, я с размаху ударил его острием топора по хребту. Кабан ещё пару раз дёрнулся и испустил дух. Копьё так и осталось торчать у него в шее.

Только теперь я сообразил, что мне вообще ничто не угрожало: в момент смертельной опасности меня мгновенно окружало защитное поле. Но ведь я защищал Клушту и мальчишек. Они наверняка пострадали бы, проскочи кабан мимо меня!

– Ну что, успокоились? – спросил я, подходя ближе к ребятам, которые сидели на земле, постепенно приходя в себя от пережитого испуга.

– Да. Спасибо, Сергей! – ответил подросток, который был немного старше своего товарища.

– Как хорошо, что мы в эту сторону побежали! – с благодарностью глядя на меня, сказал другой мальчишка.

Бросив топор, я нахмурился:

– Что, решили поиграть в охотников? Разве вы не знаете, как опасен вепрь, если его разозлить, а тем более ранить?!

– Да мы в него не стреляли вовсе, – нервно жестикулируя, стал оправдываться старший. – Я целился в дерево, но промахнулся. Стрела улетела в кустарник, а там, оказывается, был кабан.

– Всё понятно. Только вот от становища почему так далеко ушли одни? Вождь будет очень недоволен, когда узнает о вашей самодеятельности. Ну-ка, быстро возвращайтесь к пещерам!

Мальчишки поднялись.

– Сергей! Не говори про нас Сыну Медведя. Мы больше не будем уходить от становища, – попросил младший.

– Ладно, – смягчившись, ответил я. – На вот, копьё возьми.

Выдернув оружие из кабаньей туши, я протянул его подростку.

– Немедленно возвращайтесь!

Мальчишки поспешили уйти. Клушта уже успела успокоиться. Она подошла ко мне и провела рукой по моему телу.

– Серёжа, ты весь в крови!

– Это кровь зверя, со мной всё в порядке. Помоги мне помыться.

Вода в горшке уже закипела. Я плеснул в него несколько мисок воды из ручья, едва не загасив костёр, размешал и попробовал пальцем: то, что надо. Клушта, смеясь, поливала мне из миски, а я фыркал и отдувался, как морж. Затем, для контраста, облился холодной водой и сделал несколько физических упражнений.

Жена сначала отказывалась купаться, но потом согласилась, и ей это очень понравилось. Перед тем, как намылить Клуште голову, я предупредил её, чтобы держала глаза всё время закрытыми, иначе в них попадёт мыло и будет сильно щипать. Она старалась изо всех сил и, даже когда у неё на лице совсем не осталось мыла, продолжала очаровательно жмуриться. Я не выдержал и поцеловал её...

Наступил август. Зверья в окрестных лесах меньше не становилось. Вождь давно уже не спрашивал меня, в каком направлении лучше идти на охоту. Он объяснял это тем, что так охотиться интереснее. Недавно группе мужчин удалось убить медведя, причём это получилось так легко, что они даже не хвастались, как обычно, своей победой. У вечернего костра Зуб Волка, смущаясь, рассказал, что убил хищника первой же стрелой, которая попала зверю в сердце. Тот по инерции сделал ещё несколько шагов в сторону охотников и рухнул замертво.

– Это благодаря луку, который сделал Сергей, – сказал Выдра, доставая из огня две поджарившиеся медвежьи лапы. Одну он передал вождю, а другую мне.

Людам племени теперь не приходилось голодать. Мясо они ели и в жареном и в варёном виде. В соли недостатка тоже не было, постепенно образовался её запас. Мне всё же захотелось разнообразить наше меню, и на другое утро я пошёл за грибами, взяв с собой шестерых мужчин. В полдень мы вернулись в становище с богатой добычей.

Вместе с Клуштой и Шекной я рассортировал грибы, отбросив в сторону несколько ядовитых. Сам себе удивляясь, я точно знал, что годится в пищу, а что нет. Ножом порезал дары леса на кусочки и сварил превосходный супчик сразу в нескольких горшках, чтобы хватило всему племени. Люди принесли свою посуду, и неразлучные подруги налили глиняными кружками каждому по полной миске. Грибной суп моим соплеменникам понравился, впоследствии мы стали варить его довольно часто.

Для того чтобы можно было есть такой суп и зимой, я занялся сушкой грибов. При этом использовал только шляпки, которые резал на кусочки и нанизывал на прочные олени жилы при помощи костяной иглы. Получившиеся связки в жаркую солнечную погоду развешивал на ветвях деревьев. Под ними я ставил подростков, вооружённых луками. Эти часовые были необходимы для борьбы с белками, которые во множестве водились возле становища.

Высушенные связки грибов я повесил внутри пещеры, вбив в стены деревянные колышки. Заготовленных таким образом продуктов должно было хватить до конца зимы.

– Молодец, Сергей! – похвалил меня вождь. – Никто в племени кроме тебя не догадался бы сделать подобное.

– Это ещё что! – ответил я. – А знаешь ли ты, Сын Медведя, что если грибы хорошенько просолить, то они могут храниться до следующего урожая и не портиться?

– Неужели?! – чувствовалось, что мой собеседник необычайно удивлён.

– И не только грибы. Можно засолить некоторые другие съедобные растения, а также мясо и рыбу.

– Вот это да! Так сделай это.

– К сожалению, пока не могу. Нужно изготовить специальную деревянную посуду, а для этого мне просто необходимо железо, которого здесь нет.

– А где же оно есть?

– Довольно далеко отсюда. Я тебе уже говорил. Вот перезимуем, а весной отправимся путешествовать по этому прекрасному острову, который называется Англия.

– Англия... – задумчиво повторил вождь. – Хорошо, пусть будет Англия.

Наступила осень. Дни стали короче, и густые туманы всё чаще окутывали местность, прилегающую к становищу. Листва на деревьях окрасилась в жёлтые, багряные и бурые цвета. Солнечные лучи всё реже ласкали землю, которая стала покрываться пёстрым шуршащим ковром. Перелётные птицы стаями потянулись на юг.

Проснувшись позже обычного, я вышел из пещеры и подошёл к костру. Подбрасывая валежник в огонь, обратил внимание на то, что со стороны моря наползает густой туман. Только что было светло, и вот уже солнца не стало видно. «Надо сказать вождю, чтобы сегодня никто на охоту не ходил», – подумал я и спросил сидящего неподалёку Зайчонка:

– Где Сын Медведя? Что-то я его не вижу.

– Он недавно пошёл охотиться, а меня, как всегда, не взял, – обиженно шмыгнул носом парнишка.

– Кто ещё с ним пошёл? – допытывался я, не принимая близко к сердцу переживания Зайчонка.

– Выдра, Джиг и Зуб Волка, а что?

– Да так, ничего, – задумчиво произнёс я, с тревогой наблюдая за тем, как туман густеет на глазах. – Пойду поищу их, а то как бы не заблудились.

С этими словами я встал и, внимательно глядя под ноги, пошёл в лес. Отойдя от костра метров на тридцать, обернулся – и ничего не увидел. «Весёленькая ситуация», – подумал я, включая «внутренний телевизор». Прошло около часа, когда я наконец-то «обнаружил» охотников. Они сидели на тушах двух убитых оленей, поминая недобрыми словами необычно густой туман и этот остров. Усмехнувшись, я отправился на выручку.

– Ау! – крикнул я, находясь в нескольких шагах от горе-охотников. Они аж подпрыгнули от неожиданности, но я для них по-прежнему был невидим.

– Это голос Сергея! – обрадовался Джиг. – Давайте ему покричим.

– Не надо. Я вас и так прекрасно вижу, – сказал я, материализуясь из густого, как парное молоко, тумана. – Заблудились?

– Нет, – насупившись, ответил Сын Медведя. – Просто сидим, отдыхаем.

– А, ну ладно, тогда я пошёл.

– погоди, – остановил меня Выдра. – Мы действительно заблудились.

– Так бы сразу и сказали. Пойдёмте, я вас провожу.

Джиг ухватился за мою левую руку, Выдра – за правую. Вождь и Зуб Волка держались за их свободные руки и тянули за собой оленей. Так мы и пришли в становище. Долго потом смеялись бывалые охотники, вспоминая вечерами у костра этот забавный случай.

Глава 6

Утром я вышел из пещеры и поёжился: было прохладно, воздух пронизан промозглой сыростью. Поверх моей потёртой рубашки надета другая, заботливо сшитая Клуштой из двух оленьих шкур.

Я подошёл к костру и сел на корточки. Пока жарилось мясо, вспомнил вчерашний день и улыбнулся, представив Зайчонка, который старательно выводил на стене цифры и выглядел очень потешно с высунутым от усердия кончиком языка. Уже прошёл месяц, как я отобрал для обучения десять самых смыслённых подростков, а также Клушту с Шекной. Местом для занятий нам служил небольшой участок пещеры рядом с входом. Здесь располагалась «школьная доска» на ровном участке стены. Писали мы угольками, а стирали написанное мокрым куском шкуры. К концу занятий руки у всех становились чёрными, но это, похоже, не очень огорчало моих учеников, которые учились с удовольствием и завидной настойчивостью.

Ещё в первую неделю своего пребывания в племени я выяснил, что охотники умеют считать лишь до десяти. Если, например, надо было объяснить соплеменникам, что стадо состоит из десяти оленей, так и говорили: «Десять дикс». Когда же оленей было больше, то говорили: «Много». Было ещё одно весьма растяжимое понятие, которым иногда пользовались, – «очень много».

И вот вчера Зайчонок, мой самый способный ученик, правильно решил задачу на сложение в пределах двадцати. Это уже был прогресс. Пока я использовал в обучении счёту только приёмы сложения и вычитания. Деление и умножение, чтобы не забивать головы ученикам, оставил на потом. Цифры я, естественно, использовал арабские, и всем дал русские названия, чтобы в дальнейшем не возникло путаницы.

Кроме арифметики я преподавал естествознание, конечно, в очень упрощённом виде, а также анатомию человека и животных. Слушатели испытывали живой интерес ко всем сообщаемым мною сведениям. До сих пор мне не приходилось принуждать их к чему-либо или наказывать. Некоторые соплеменники, не входящие в группу обучаемых, тоже иногда присутствовали на занятиях.

Хотя я говорил о совсем простых вещах, для людей каменного века мои слова звучали откровением. Они интуитивно чувствовали, что мои познания об окружающем мире простираются гораздо дальше границ их нынешнего восприятия. Я приобрёл в племени непререкаемый авторитет, и любая фраза, сказанная мной, считалась истиной в последней инстанции.

Например, один раз речь зашла о Солнце, которое несёт миру свет и тепло, и которому поклонялись все взрослые члены племени.

– Солнце – это звезда, – изрёк я.

– Но ведь звёзды маленькие, а Солнце большое, – посмел возразить Зайчонок.

В наступившей тишине я настойчиво повторил:

– Солнце – звезда, такая же, как огромное количество других, которые вы видите ясной ночью. Разница между ними лишь в том, что Солнце – это наша звезда, она находится к нам близко, и мы видим её большой и яркой. Прочие звёзды такие же большие, как Солнце, а некоторые ещё больше, но они так далеки от нас, что кажутся совсем маленькими.

Слушатели восторженно смотрели на меня. До них постепенно доходил смысл сказанного. И я поставил точку в «дискуссии» с Зайчонок:

– Существует ещё несметное количество звёзд, которых мы не видим, потому что они удалены от нас гораздо дальше. Понимаете? Мы их не видим, но они существуют.

Понимали они с трудом. Тогда я зашёл с другой стороны:

– Представьте, что вы стоите ночью в нескольких шагах от костра. В этом случае костёр похож на Солнце – он ярко светит и согревает вас.

Все согласно закивали. А я продолжил:

– Вы решили отойти от костра подальше, скажем, на три полёта стрелы. Смо'трите на костёр, а он маленький, как звезда, и совсем не греет.

– Понял! – подпрыгивая, закричал Зайчонок. – Если уйти от костра очень далеко, то его вовсе видно не будет!

– Молодец! Правильно. Видно не будет, но мы-то знаем, что он есть. Ладно, урок закончен.

Потрясённые слушатели расходились. Перед ними только что открылась одна из тайн мироздания.

Вечером, ложась спать, Клушта шепнула мне:

– Я только сегодня окончательно поверила, что ты посланник звёзд.

– Это почему же?

– Ни один человек в мире не знает и капельки того, что известно тебе. Ты как море, Серёжа, и я боюсь в тебе утонуть.

– Не бойся. Я тебя спасу, моя любимая Клушта! – и я крепко обнял жену. Она словно растаяла у меня в руках, хотя была всё время рядом...

Незаметно пришла зима. Туманов стало ещё больше. Иногда выпадал снег, но он быстро таял. Заморозков практически не было, и зелёная травка радовала глаз всю зиму. Вход в каждую пещеру, где жили люди нашего племени, на ночь был надёжно закрыт тёплой медвежьей шкурой.

«Уроки в пещерной школе» проходили своим чередом. Яркий дневной свет освещал «школьную доску», на которой ученики по очереди решали задачи на сложение и вычитание. Дети соревновались друг с другом, занятия проходили весело. К весне значительная часть учеников научилась считать до пятидесяти.

Особенными успехами выделялись Зайчонок и Окунёк. Как-то раз после занятий они подошли ко мне. Окунёк, смущаясь, сказал:

– Учитель, вот мы умеем считать до ста. Но людей в племени больше, а мы хотим сосчитать их всех.

– Это очень просто, – ответил я. – Сто – это одна сотня. Дальше идёт сто один, сто два и так далее. Так вы доберётесь до цифры двести, что означает две сотни. Триста – это три сотни. Пока вам этого достаточно.

Они убежали. Вернувшись часа через два, радостно сообщили: «В племени двести пятьдесят два человека».

– Умницы вы мои! – я потрепал их по вихрастым головам. – Назначаю вас моими заместителями. Можете учить считать до трёхсот любого желающего.

Я думал, что мальчишки отстанут от меня надолго. Однако уже через три дня мне пришлось объяснять им, как считать до тысячи.

...С каждым днём становилось теплее. Деревья покрылись молодой листвой. Наконец я решил, что пора племени сниматься с насиженного места. По моей подсказке заранее были сшиты заплечные мешки – прообраз будущих рюкзаков. С собой кроме оружия взяли лучшие шкуры, запас соли, воды и бо'льшую часть посуды, с которой никто не хотел расставаться.

Можно было направиться к цели напрямик, но тогда неизбежно возникли бы стычки с местными племенами, с чем я пока хотел повременить. Поэтому мы спустились к морю, и я повёл племя вдоль побережья сначала на север, а затем на северо-запад.

Так как спички у меня закончились, два охотника несли небольшие горшки с тлеющими угольками. Продвигаясь не спеша, с привалами и ночёвками в удобных местах, через восемь дней мы увидели широкую полосу воды, глубоко вдающуюся из моря в сушу. «Это река Темза – самая большая в Англии», – сказал я людям.

Те сначала ничего не могли понять. Как раз в это время был пик прилива, и создалось впечатление, что река – продолжение моря. Я объяснил, что сейчас морская вода поднимается вверх по реке, но через некоторое время потечёт назад. Так и произошло, когда, пройдя несколько километров вдоль речного русла, люди увидели, что скорость течения реки постепенно увеличивается, и вода понемногу отступает от берега. Мы продолжали идти вперёд целый день, но река по-прежнему была очень широкой. Только к вечеру следующего дня стало заметно, что берега постепенно начали сужаться. Всё же нам пришлось ещё неделю двигаться вдоль реки на запад, прежде чем удалось найти удобное место для переправы.

Нашему племени не в первый раз приходилось переправляться через водные преграды, но Темза – река широкая, поэтому были предприняты все полагающиеся меры безопасности. Дети и подростки находились под надёжным присмотром. Учитывая, что близко от брода в русле реки иногда встречались ямы, я, не желая рисковать жизнями доверившихся мне людей, шёл впереди, указывая соплеменникам путь. Противоположный берег был уже рядом, как вдруг сзади раздался истошный крик молодой женщины. Резко обернувшись, я увидел, как река уносит судорожно барахтающуюся девочку лет семи.

Швырнув на берег свои кроссовки, я быстро поплыл на помощь несчастной и через некоторое время обогнал двух охотников, в свою очередь бросившихся спасать утопающую девочку. Пока мы спешили на выручку, ребёнок уже скрылся под водой. Я набрал в лёгкие воздуха и нырнул, сразу включив «внутренний телевизор», который помог мне быстро обнаружить бедняжку. Она наглоталась воды, и теперь течение несло вдоль дна её тело, не подавшее признаков жизни.

Я схватил девочку за волосы и, приподняв её голову над водой, поплыл к берегу. Моё появление с ребёнком на руках вызвало восторженную реакцию у соплеменников.

Взобравшись на крутой берег, я немедленно положил пострадавшую себе на колени животом вниз и принялся постукивать её по спине. Дождавшись, когда вода полностью выйдет из лёгких девочки, перевернул её на спину и стал делать ей искусственное дыхание. Это продолжалось несколько минут.

Наконец, ребёнок закашлялся и сделал вдох самостоятельно. Мокрую и дрожащую, как осинный лист, девчущку я закутал в сухие лисьи шкуры, которые нашлись у стоящих рядом женщин, и попросил немедленно развести костёр. Вскоре счастливая мать поила ребёнка горячим отваром сушёных трав. Их ещё в начале пути я поручил нести одному из охотников. Ко мне подошёл улыбающийся Выдра – отец спасённой мной девочки.

– Спасибо, Сергей! – сказал он с теплотой в голосе и протянул мне выдавшие виды кроссовки.

Через некоторое время племя опять тронулось в путь, теперь уже на северо-восток. Мы находились на возвышенности. Величественные деревья по-прежнему окружали нас со всех сторон, идти было трудно. Часто нам приходилось делать привалы. Зверей вокруг было много, встречались и хищники, поэтому требовалось соблюдать осторожность.

Один из охотников оступился и неудачно упал. Попытавшись подняться, он вскрикнул и сел на землю, держась за ногу. Я осмотрел повреждённую конечность и распорядился сделать носилки. У мужчины оказался закрытый перелом голени. Приказав ему терпеть, я совместил сломанные кости и зафиксировал их при помощи полоски древесной коры и ремней из оленьей кожи.

– Ни в коем случае не шевели ногой, – сказал я ему.

– Что с ним, Сергей? – встревожено спросил подошедший Сын Медведя.

– Ему повезло. Через некоторое время он сможет ходить, а может быть и бегать. Но сейчас кость сломана. Придётся его аккуратно нести.

– Долго ли нам ещё идти? – поинтересовался вождь.

– Нет, мы почти пришли, – успокоил я его.

... Наконец впереди показался весь покрытый лесом высокий холм, северо-западнее которого в верховьях небольшой реки я «обнаружил» с помощью своего «внутреннего телевизора» идеальное место для становища. Это были несколько пещер, вполне пригодные для того, чтобы жить в них зимой. Речка протекала совсем близко, а между ней и пещерами располагалась поляна, кое-где покрытая кустарником и одиночными деревьями.

Место было занято. Тут уже жили люди, но взрослых мужчин в здешнем племени насчитывалось не более двадцати. Я заранее предупредил об этом Сына Медведя и других охотников, внушив им мысль, что мы должны поселиться именно здесь.

Всё решила внезапность. Мужчины моего племени полукольцом окружили чужое становище, все обитатели которого сидели возле двух костров и дожидались, когда поджарится мясо. Увидев направленные на них огромные луки, местные охотники всё же вскочили и схватились за оружие.

Предупредив соплеменников, чтобы они ни в коем случае не ввязывались в драку, я стремительно побежал навстречу аборигенам. Даже зная, что обладаешь бессмертием, всё равно испытываешь неприятное ощущение, видя, как в тебя летят десятки копий и стрел. Оказавшись среди озадаченных моей неуязвимостью чужаков, я принялся отвечать ближайшим из них увесистые тумачи, от которых они кубарем валились на землю.

Уже человек восемь попытавшихся оказать мне сопротивление мужчин лежали без сознания. Их вождь занёс было над моей головой каменный топор, но я ударил его ногой в живот, и, когда он согнулся пополам, свалил его на землю. Поставив ногу на поверженного врага и сурово глядя на оставшихся противников, жестом приказал им бросить оружие. Они подчинились с явной неохотой.

Подталкивая чужих охотников, я усадил их возле костров, после чего подал знак мужчинам моего племени. Они приблизились, восторженно поглядывая на меня, и связали руки противникам, находящимся без сознания. Те постепенно приходили в чувство. Напуганные дети и женщины даже не пытались убежать, прекрасно понимая, что не смогут выжить в этом суровом мире без мужчин.

Убедившись, что чужаки прекратили сопротивление, на поляну вышло всё наше племя. Женщины разложили рядом ещё три костра и, достав из заплечных мешков посуду, принялись стирать. Охотника со сломанной ногой осторожно сняли с носилок и посадили под невысоким деревом.

Ко мне, широко улыбаясь, подошёл Сын Медведя.

– Никогда не видел такой драки. Я знал, что ты сильный, но чтобы до такой степени!

Я улыбнулся в ответ:

– Теперь поговори с пленниками, объясни, что им ничто не угрожает. Они вольются в наше племя и станут нашими братьями.

Вождь долго говорил, но люди чужого племени смогли его понять лишь по общепринятым жестам. Постепенно их лица прояснились, и они энергично кивали, соглашаясь жить вместе. Победённые оценили нашу гуманность, поскольку среди них не оказалось не только убитых, но и раненых.

Сын Медведя отдал короткий приказ, и всех пленников развязали. Они стали подходить к каждому из наших мужчин и тереться о них носами, что выражало мир и вечную дружбу. Я тоже стал обниматься с недавними противниками. Люди обоих племён смешались и расположились возле костров. Наши женщины сварили мясо и угостили им людей чужого племени. Местные жители по достоинству оценили как его вкус, так и посуду, из которой им впервые довелось есть. Женщины искренне восторгались, разглядывая орнаменты на горшках и кувшинах. Две соседки возбуждённо переговаривались на своём языке. У меня создалось впечатление, что они спорят о том, чья миска красивее. Другая женщина ласковыми движениями прикасалась к кувшину, вопросительно глядя на Шекну. Та поняла немой вопрос и сказала:

– Кувшин.

– Гувшин, – повторила женщина, вызвав смех у моих соплеменников.

... Всем, кто пришёл со мной, понравилось новое место. Чем-то оно напоминало старое становище за морем, только река была не такая широкая, да холмы вокруг немного выше. Об этом мне и сказал Сын Медведя:

– Сергей! Надеюсь, мы задержимся здесь надолго? Больше никуда не пойдём?

– Да, мудрый вождь. Ты скажи людям, чтобы деревья и кусты на поляне не трогали – пусть будет тень летом.

Местные жители занимали одну из пещер. Мы же построили хижины и некоторое время познакомились с окрестной природой. Высокий холм, скорее небольшая гора на юго-востоке, служил прекрасным ориентиром.

В реке с чистой, прозрачной водой водилась рыба. Подростки и некоторые мужчины смастерили крючки из костей животных и занялись рыбалкой. Вместо лески использовали оленье жилы, наживкой служили кусочки мяса или насекомые. Иногда применяли остроги. Чуть ниже по течению в реку впадали три больших ручья, и в этом месте она становилась полноводнее. Там, в русле реки, кое-где встречались глубокие ямы, в которых обитала более крупная рыба. Я сварил уху, и она многим очень понравилась. Теперь люди могли на выбор приготовить жареное мясо или рыбу, варёное мясо или уху.

Прошло несколько дней. Местные старожилы постепенно осваивались среди нас. Только их бывший вождь Ястреб, видимо, не мог смириться с новым для него положением: никто уже не оказывал ему тех знаков внимания, к которым он привык. Вечером, проходя мимо костра, я заметил, как он с ненавистью в глазах следил за Сыном Медведя. Ведь тому теперь доставались почёт и уважение со стороны охотников и женщин нового племени.

– Будь осторожен, Сын Медведя, – предупредил я вождя. – Ястреб не может простить тебе своего поражения и при удобном случае попытается отомстить.

Тот только рассмеялся в ответ:

– Да что он мне сделает? Сын Медведя прихлопнет его, как муху!

Я пожал плечами.

– Всё равно, будь осторожен. Порой коварство побеждает силу.

– Спасибо, Сергей, и не переживай за меня: я себя в обиду не дам, – самоуверенно ответил вождь, всё ещё улыбаясь.

Я промолчал, но чувство тревоги не покидало меня.

На следующий день группа мужчин отправилась на охоту. Кроме вождя, среди них были Зуб Волка, Джиг, Выдра и Ястреб, пожелавший идти с ними. К полудню отряд достиг большой солнечной поляны. На ней паслась семья оленей, состоящая из нескольких самок с детёнышами и молодых подрастающих оленей. Большой красавец-вожак с ветвистыми рогами внимательно поглядывал на окружающий поляну лес.

В тот момент, когда Сын Медведя поднял лук и стал прицеливаться, коварный Ястреб, который специально немного отстал, тоже поднял свой лук. Однако стрелять он собирался не в оленя, а в спину вождю! Это прекрасно видел Джиг, укrywшийся за деревом. Мудрый Сын Медведя позаботился о своей безопасности. Стрела Джига, пущенная меткой рукой, пронзила бок Ястреба, и он, выронив оружие, упал на траву.

Всё произошло так быстро, что вождь и другие охотники сначала ничего не заметили. Им удалось подстрелить двух молодых оленей, и только потом Джиг подозвал Сына Медведя и показал ему труп предателя. Вернувшись в становище, мужчины сообщили людям, что Ястреб погиб в схватке с медведем. Никто не стал задавать лишних вопросов, и постепенно о нём забыли.

...Все были довольны и безмятежны. Однако, дав соплеменникам некоторое время отдохнуть, я решил, что пора приниматься за дело. Как-то раз, сидя у костра, я обратился к вождю:

– Сын Медведя! Настало время подумать о новом, более прочном оружии. Ведь для этого я вас сюда и привёл.

– Слово вождя – закон. Располагай моими людьми, как хочешь, – важно ответил тот.

И вот следующим утром я повёл с собой двадцать мужчин, приказав им взять крепкие острые палки и крупные кости животных. Каждый охотник был внушительно вооружен на случай нападения хищников. Не прошли мы и трёх километров, двигаясь на восток, как я остановил свой отряд.

Мы находились на небольшой поляне. Выбрав удобное, ровное место, я вертикально воткнул в землю копьё и, очертив вокруг него окружность диаметром около метра, приказал очистить этот участок от травы. Для этой работы я оставил троих человек. Остальным поручил вырыть широкую траншею, идущую под уклон, конец которой должен был немного не доходить до вычерченной ранее окружности.

Работа продвигалась медленно. Но вот в нужных местах траву удалили. Обнажившуюся землю с трудом ковыряли палками и костями, вычерпывая её глиняными мисками. Вскоре я сам продолжил копать яму, никому не доверив эту работу. Дело в том, что в земле должно было получиться постепенно сужающееся отверстие. Траншею же мои рабочие копали, как умели, периодически сменяя друг друга.

Один из мужчин, обливаясь потом и натужно дыша, вытащил из траншеи большой камень.

– Зачем нам нужно это железо?! – в сердцах сказал он. – Сколько лет без него жили, и ничего, обходились.

– Да ты просто лентяй! – возразил ему Выдра, который работал рядом. – Раз Сергей говорит, что железо необходимо, – значит, так оно и есть. Короткая же у тебя память. Вспомни, из какого лука ты стрелял ещё год назад, а теперь пользуешься новым и нахваливаешь.

– Вот так же он будет хвалить и железные наконечники для стрел, и железные ножи, – вмешался я в разговор. – Но ты, Выдра, немного не прав: Хитрый Лис – не лентяй. Просто он не осознаёт, что, имея железо, племя станет гораздо сильнее, чем сейчас.

– Теперь, кажется, понимаю, – смутившись, ответил молодой охотник. – Прости мне мою глупость, мудрый Сергей.

Ближе к вечеру необходимый объём работ удалось выполнить, и мы вернулись в становище. Я сказал вождю, что всё идёт прекрасно, и попросил на следующий день выделить мне этих же мужчин.

...Залежи огнеупорной глины находились в четырёх километрах вниз по течению реки на некотором удалении от неё. Придя туда, мы часа два копали яму, пока не добрались до глины. Наполнив ею три десятка корзин, вернулись в становище и поставили этот столь необходимый для выполнения моего плана строительный материал под деревом.

Меня окликнул молодой охотник по имени Сейкет – тот самый, который сломал ногу. Я снял лубки с его голени ещё неделю назад. Кость срослась прекрасно, и теперь он ходил кругами по становищу, разрабатывая мышцы ноги и немного прихрамывая.

– Сергей, – сказал он, подойдя ближе. – Я слышал, ты хочешь сделать новое оружие?

– Да, и не только оружие, но и многие другие очень полезные для племени вещи.

– Возьми меня в помощники, я хочу работать с тобой.

В его глазах, кроме признательности за успешно проведённое лечение, я увидел нечто большее – ростки зарождающейся дружбы.

– Хорошо, Сейкет, обязательно возьму. Только пусть сначала твоя нога полностью восстановится.

– А когда это произойдёт?

– Скоро. Дней через двадцать.

Мужчина кивнул и с задумчивым видом отошёл в сторону. Вечером я застал его в компании с Зайчонок, который терпеливо учил охотника считать до двадцати.

В дальнейшей работе мне во всём помогали Сейкет, подросток Зайчонок и ещё несколько человек из бывшего племени Кикнауча. Из глины мы вылепили кирпичи и подсушили их на солнце. Затем обожгли на костре, и они приобрели необходимую прочность. Из этих кирпичей на той самой полянке, где находились яма и траншея, сложили средних размеров печь. Поверхность ямы тщательно обмазали глиной и соединили её с траншеей небольшим отверстием.

Печь использовали для получения древесного угля. Когда дрова в ней прогорали и оставались лишь красные угли, сразу перекрывали доступ воздуха. После остывания углей мы загружали их в яму вместе с измельчённой железной рудой, которую добывали неподалёку.

Потом поджигали уголь и через отверстие в нижней части ямы при помощи ручных мехов нагнетали воздух, необходимый для интенсивного горения топлива. В результате, руда плавилась, и на дне скапливалось железо в виде рыхлой массы, пропитанной шлаками. Эту раскалённую массу вытаскивали и быстро, пока не остыла, проковывали на наковальне, удаляя шлак. Так получались куски железа весом в несколько килограммов.

Конечно, сначала я изрядно помучился. Первая наковальня выглядела так уродливо, что любой подмастерье поднял бы меня на смех. Первый молот тоже не отличался совершенством линий. Однако меня извиняет даже не отсутствие практического опыта в этой области, а то, что я не имел в начале работы абсолютно никаких вспомогательных инструментов. Приходилось использовать палки и булыжники разных форм и размеров. Хорошо ещё, что речка протекала сравнительно недалеко. Это обстоятельство пригодилось впоследствии при проведении серьёзных кузнечных работ.

Глава 7

...Я сидел на корточках на берегу речной заводи и брился остро заточенным ножом, глядя на своё отражение в воде. Моя внешность несколько не изменилась: и лицо, и тело остались такими же, как раньше. Не прибавилось ни единой морщинки, не появилось ни одного седого волоса. Люди племени сначала удивлялись этому, но потом перестали, рассудив, что посланник звёзд, конечно же, должен отличаться от них. Вся одежда на мне состоит теперь из шкур животных. На ногах – что-то вроде индейских мокасин, кожаные брюки плотно стянуты на бёдрах ремнём.

Уже прошло шесть лет, как Сын Медведя умер, и я стал вождём. Племя обитает на том же месте, ни в чём не испытывая нужды. Сейчас оно насчитывает свыше четырёхсот человек. Наконечники копий и стрел теперь сделаны из железа. Кроме того, имеется запас ножей, топоров, пил, молотков, которые хранятся в специальных чехлах, предохраняющих их от ржавчины. Изготовлены также гвозди различных размеров. Они смазаны жиром и упакованы в небольшие деревянные ящики.

Соли в окрестностях становища не оказалось, и ещё при старом вожде я четыре раза водил пятьдесят мужчин далеко на северо-запад острова. Имея лопаты и кетмени, добыть соль в том богатом месторождении не составило большого труда, но дорога туда и обратно занимала двенадцать дней. Чтобы не таскать каждый раз в такую даль инструменты, мы прятали их в надёжном месте, предварительно смазав жиром.

Закончив бриться, я направился к пещерам. Навстречу, весело болтая, шли Клушта с Шекной. У верной подруги моей жены уже подрастали трое ребятишек. Клушта же, смирившись с тем, что у неё потомства никогда не будет, полюбила детей подруги, как родных. Отсутствие наследников пока меня не очень огорчало. Ну, не может Клушта иметь детей – что тут поделаешь? Себя я считал абсолютно здоровым. «Рано или поздно женюсь снова, тогда и появятся малыши», – подумал я, подходя к костру.

Со всех сторон на меня смотрели глаза мужественных охотников. Многие из них хорошо умеют обращаться с топором, некоторые освоили кузнечное дело. Теперь они разговаривают на русском языке и лишь изредка употребляют слова, на которых говорили их предки. Два соединившихся племени сначала разговаривали на совершенно разных языках, не понимая друг друга. Но победившее племя было многочисленнее, его люди до этого уже год общались со мной и хорошо понимали мой родной язык. К тому же, став вождём, я постоянно говорил с соплеменниками на своём языке, и, чтобы общаться со мной, они были вынуждены выучить русский.

Так прошло ещё три года. Племя за это время стало совершенно однородным. Теперь я мог быть уверен в абсолютной преданности каждого мужчины. Я всегда старался поступать по справедливости, и поэтому был убеждён, что никто даже и не помышляет об избрании другого вождя. Охота под моим руководством всегда была успешной. Если происходили несчастные случаи, то я в меру своих возможностей лечил пострадавших, и они быстро выздоравливали.

Один из таких неудачников лежал сейчас передо мной на берегу реки и жалобно стонал. Несколько минут назад он произвёл в становище небывалый переполох. Стоял чудесный летний день, и почти всё племя собралось на поляне возле костров в ожидании, когда же, наконец, приготовится мясо. Неожиданно из леса раздался истошный крик, призывающий соплеменников на помощь.

Не успели мужчины схватиться за оружие, как на поляну выбежал подросток лет двенадцати по имени Оленёнок. Мало кто из его сверстников умел бегать так же быстро! Мальчишка промчался вихрем, миновав опешивших охотников и продолжая истошно кричать. За ним по

пятам нёсся рой диких пчёл, и люди, мимо которых пробежал Оленёнок, в испуге шарахались в стороны.

Подросток прибежал в становище, рассчитывая на помощь взрослых, и они бы ему, конечно, помогли в случае, если бы за ним гнались волки. «Оленёнок! Прыгай в реку!» – кричали мальчику мужчины, быстро сообразившие, что произошло; но он не мог расслышать их мудрого совета, так как в это же время все дети племени и большинство женщин подняли невообразимый шум.

Мальчишка продолжал метаться по поляне, не разбирая дороги, с выпученными от страха глазами и перекошенным лицом. Он уже успел перевернуть несколько горшков с почти сварившимся мясом. Поднялась суматоха. Отмахиваясь от назойливых насекомых, отставших от роя, многие мои соплеменники наталкивались друг на друга и получали при этом больше шишек и ссадин, чем укусов пчёл. Только моё вмешательство прекратило весь этот беспорядок и спасло Оленёнка от ужасной участи.

Я догнал подростка и, крепко схватив его за руку, потянул за собой к реке. Дело кончилось тем, что, добежав до берега, мы прыгнули в воду. Я продолжал удерживать мальчишку под водой до тех пор, пока пчёлы не улетели в лес. После этого помог Оленёнку выбраться на берег. Его левая ягодица сильно кровоточила. Как выяснилось, при падении в реку он наскокил на лежащую на дне корягу с острым выступом.

И вот теперь я занимался его лечением, прикладывая к ране листья подорожника.

– Несколько дней тебе придётся спать на животе, – сказал я возмутителю спокойствия. – Да и сидеть ты не сможешь ещё долго. Но зато, когда немного подрастёшь, для всех станешь Быстрым Оленем. Ты по праву заслужил это имя, ведь ты бежал так быстро, что пчёлы не успели причинить тебе большого вреда...

Иногда я ловил себя на мысли, что всё меньше вспоминаю свою прежнюю жизнь: настолько я привык к новой реальности. Что и говорить, цель, которую мне поставили пришельцы, была интересной и очень заманчивой. Я хотел хоть немного ускорить события, которые должны были произойти в обозримой перспективе. Но, как любил говорить мой отец: «Всякому овощу – своё время». Поэтому я сдерживал себя и старался просчитывать ситуацию на несколько ходов вперёд. Так, решив подчинить себе все племена, обитающие на острове, я стал делать это постепенно, для того чтобы мои новые соплеменники успевали привыкнуть к порядку, установленному мной в становище. «Они должны воспринимать меня не иначе, как самого авторитетного мужчину в племени, о неподчинении которому не может быть и речи», – часто думал я.

Племён на острове существовало немного: чуть больше тридцати, общей численностью около четырёх с половиной тысяч человек. Эти сообщества людей жили обособленно, родственных связей между ними не было. Молодые охотники добывали себе жён с риском для жизни, похищая девушек у соседних племён. Это часто приводило к вооружённым стычкам, при которых обе стороны несли потери. Также была очень высока детская смертность. Люди полностью зависели от капризов природы. В борьбе человека с хищником иногда побеждал человек, а иногда – зверь. Всё это приводило к тому, что местные племена были малочисленны.

Ближайшее такое племя жило примерно в пятидесяти километрах от нашего становища вниз по течению реки, там, где она сливалась с другой, ещё более полноводной рекой. Два года назад у нас исчезла девушка. Я точно знал, что её похитил молодой охотник из этого племени. Тогда мне удалось удержать своих мужчин от решительных действий. Но недавно опять произошло похищение. Многих моих соплеменников это очень взволновало. На вечернем совете охотники потребовали, чтобы я объявил войну соседнему племени.

– Так они у нас всех красивых девушек похитят! – возмущался молодой охотник по имени Росомаха. – Надо пойти и проучить их хорошенько!

Я встал и обвёл взглядом возбуждённых мужчин.

– Мы не будем воевать с этим слабым племенем, но и оставлять всё по-прежнему тоже нельзя.

– Что ты предлагаешь, мудрый вождь? – спросил один из уважаемых охотников.

– Завтра мы выступим в поход, но убивать никого не станем. Я хочу переселить сюда наших соседей. Пусть они живут вместе с нами, от этого мы станем ещё сильнее. В конце концов, у них тоже есть девушки. Так что, Росомаха, без жены ты не останешься.

Охотники удовлетворённо рассмеялись, и остаток вечера прошёл спокойно.

Меньше, чем через двое суток семьдесят отлично вооружённых моих воинов внезапно окружили соседнее становище, обитатели которого даже не попытались сопротивляться, поскольку взрослых мужчин у них было только шестнадцать человек. Наша соплеменница, которая уже два года прожила в этом племени, но не забыла родной язык, выступила в роли переводчика. С её помощью мне удалось объяснить местным жителям, что им ничто не угрожает. Они просто вольются в наше племя. Постепенно пленники успокоились, по дороге в наше становище никто из них не предпринимал попыток к бегству. Прибыв на место и ближе познакомившись с нашим бытом и питанием, все они остались довольны.

К каждому новому человеку я прикрепил своего соплеменника, хорошо владеющего русским языком. Это привело к тому, что уже через год они полностью освоились, хотя и отличались от старожиллов племени по уровню развития. Однако я твёрдо рассчитывал, что со временем эта разница исчезнет.

...На другой стороне реки в норах жила стая диких собак. Я решил попробовать приручить несколько щенков. Зимой с двумя мужчинами изготовил три деревянные лодки с вёслами. В конце весны вместе с группой охотников я переправился на противоположный берег. Собак было очень много, и своих детёнышей они просто так нам не отдали бы. Поэтому я пошёл на хитрость. Мы убили оленя и отволокли его тушу поближе к собачьим норам, после чего поспешно отступили, отбиваясь от свирепых хищников крепкими палками. На следующий день проделали то же самое. Так продолжалось недели две, и с каждым разом нам удавалось всё ближе подходить к норам. Теперь собаки сразу не кидались на нас, а лишь злобно рычали при нашем появлении.

Ещё через два дня мы убили сразу трёх оленей и подтащили их почти вплотную к норам. Увидев такое богатое подношение, собаки забыли об осторожности и со всех сторон накиннулись на свежее мясо. В этот момент мы схватили шестерых щенков, тут же завернув их с головой в заранее приготовленные шкуры, и торопливо направились к своим лодкам. Это было сделано настолько быстро, что взрослые собаки даже не услышали жалобного тьяканья детёнышей. С глухим рычанием хищники продолжали терзать туши убитых животных, уже не обращая на нас никакого внимания.

Мы благополучно переправились через реку и, пройдя с километр вверх по течению, вернулись в становище, где и выпустили нашу добычу. Щенки были очень хорошенькие, и каждый из них походил на мягкую пушистую игрушку. Скоро вокруг собрались все дети племени. Каждому хотелось погладить забавных зверьков и поиграть с ними. Первое время щенки ворчали и пускали в ход зубы, но постепенно привыкли к детям и через несколько дней уже играли с ними в догонялки. Их хорошо кормили, и они всё время оставались на свободе. По ночам щенки спали у входов в пещеры и жалобно скулили, когда из леса раздавался волчий вой. Пока зверёныши были маленькими, можно было не опасаться, что они убегут в лес. Всё же долго так продолжаться не могло, поэтому я приказал выковать железные цепи и соорудить собачьи будки.

Подросших щенков посадили на цепь, отчего их характер моментально испортился. Первое время они силились сорваться с привязи и громко, до хрипоты, скулили и лаяли. Постепенно псы несколько успокоились и позволяли себя гладить тем людям, которые их часто

кормили, других же обитателей становища они встречали глухим рычанием и оскалившейся пастью.

Превратившись во взрослых собак, они ничем уже не отличались от своих сородичей и признавали лишь грубую физическую силу. Дети к ним теперь боялись подходить близко, но я часто замечал, что они продолжают подкармливать собак косточками. Однажды вечером возле костра один из охотников спросил меня:

– Мудрый вождь! Для чего нам эти злые животные? От них одно беспокойство и неприятный запах.

– Недалёк тот день, когда их потомство будет вести себя совершенно по-другому, – ответил я. – Собаки станут нашими лучшими друзьями. По ночам они будут охранять становище, а впоследствии окажутся полезными во время охоты.

Жизнь полностью подтвердила правоту моих слов. Уже второе поколение, произошедшее от пойманных диких собак, привыкло к людям настолько, что можно было без опаски подходить к ним на близкое расстояние. Лишь самых свирепых продолжали держать на цепи. Остальные собаки свободно бегали по становищу, которое с недавних пор существенно изменилось.

Во-первых, поодаль ручья, впадающего в реку, на некотором расстоянии друг от друга под моим руководством построили две бани – мужскую и женскую. Через ручей перекинули крепкий, на дубовых сваях, мостик с перилами. Иначе, во время паводков, которые обычно случались осенью и зимой, банями нельзя было бы пользоваться.

Для их строительства использовали кирпичи и лес. Стены срубили из брёвен, а пол и покатуя крышу сделали из брусьев и досок. Каждая баня была рассчитана на двадцать человек. В ней имелись предбанник, общее отделение, и небольшая парная. Я выделил несколько человек, которые обеспечивали бесперебойную работу бань. Они заготавливали дрова, запасали воду в кадушках, варили мыло, а также следили за чистотой и порядком. В процессе мытья использовали мочалки, изготовленные из грубых волокон деревьев. В парилках применяли дубовые веники. Кто-то с удовольствием купался сам, на других я воздействовал убеждением и собственным примером. Постепенно мытьё, как минимум раз в неделю, у всех вошло в привычку.

Во-вторых, посреди становища по моему приказу построили дом из двух комнат. В нём я сложил камин, и в холодное время года там было тепло. Внешняя дверь изнутри закрывалась на щеколду. Три окна, не имевшие стёкол, завешивались шкурами животных. Здесь жил я с постаревшей Клуштой. Мне хотелось окружить её максимальным комфортом, чтобы в последние годы своей жизни она чувствовала, что я отношусь к ней с прежней любовью.

Поэтому своими руками я смастерил стол, несколько табуреток, шкафчик для посуды и удобную кровать, которую покрыл лучшей медвежьей шкурой.

– Серёжа, любимый, – растроганно говорила Клушта. – Я самая счастливая женщина в племени.

– А я – самый счастливый мужчина в этом мире, любимая, милая Клушта...

В-третьих, рядом с моим домом плотники возвели здание небольшой школы. Занятия проводили трое учителей, одним из которых был Зайчонок, давно уже ставший Зайцем и имевший двоих взрослых сыновей. Обучение детей проходило исключительно в светлое время суток. Малышей учили считать до ста тысяч, используя по-прежнему только сложение и вычитание.

Из морёного дуба изготовили школьные доски; на них писали мелом, залежи которого я нашёл на другом берегу реки. Ученики сидели на деревянном полу на расстеленных хорошо выделанных медвежьих шкурах. Лучшие мастера племени обучали подростков своему ремеслу.

Я вырезал несколько деревянных шахматных досок с фигурами и обучил желающих правилам игры в шахматы и шашки. Впоследствии сделал демонстрационную доску, повесив её в одном из школьных помещений. При её помощи проводил занятия с детьми. Когда-то, в другой жизни, у меня был разряд по шахматам «кандидат в мастера». Как ни странно, я ничего не забыл. Используя свои знания, я постепенно развивал у детей память и логическое мышление.

...Время для меня шло незаметно. По моему приказу плотники построили свинарник, в котором содержались полтора десятка поросят, пойманных в лесу. Их родителей, диких кабанов, пришлось убить: так отчаянно они защищали своё потомство. Поросят кормили желудями, остатками супа, ухи и другой человеческой пищи. Для ухода за животными я выделил две семьи, подробно объяснив, что от них требуется.

Также соорудили небольшой коптильный цех, где заготавливались впрок оленина и свинина. К нему примыкал сарай, в котором под потолком висели колбасы и окорока. Это был резерв на зиму, когда из-за частых осадков охотиться становилось труднее.

Поскольку племя насчитывало уже свыше пятисот человек, я распорядился обустроить несколько туалетов. Таким образом, становище постепенно превращалось в посёлок...

Глава 8

До сих пор торопиться мне было некуда. Действуя наверняка, в среднем раз в десять лет я «устраивал набеги» на слабые племена центральной части острова. Благодаря этому, численность моего племени достигла трёх с половиной тысяч человек. Все прекрасно разговаривали по-русски.

Племя могло быть ещё сильнее, но по целому ряду причин всё сложилось немного не так, как мне хотелось. Около пятидесяти лет назад выдалась на редкость суровая зима. Навалило много снега, а река, протекающая возле посёлка, замёрзла. Многие животные погибли или перекочевали в южную часть острова. Волки совсем обнаглели. Большие их стаи днём и ночью кружили возле посёлка, и только ярко горящие костры, да меткие выстрелы охотников заставляли хищников держаться на почтительном расстоянии. Стоило убить одного из них, как другие в считанные секунды разрывали его в клочья.

Запасы копчёного мяса существенно уменьшились. Поэтому, когда в конце января морозы ослабли, я послал на охоту около шестидесяти мужчин, снабдив их снегоступами – широкими деревянными лыжами с кожаными креплениями для ног. Главному охотнику строго наказал вернуться через три дня. Однако он, увлечённый преследованием оленей, нарушил мой приказ и, мало того, разделил свой отряд на две части.

Внезапно налетевшая снежная буря застала людей врасплох. Хорошо ещё, что охотникам одного из отрядов удалось убить несколько оленей. Эти люди и выжили. Через восемь дней, тяжело нагруженные мясом, они вернулись в посёлок.

Другая группа охотников ушла слишком далеко. Все они погибли от голода, так как не встретили на своём пути ни одного животного. К тому же эти люди заблудились, а не стихавшая несколько дней метель лишь усугубила их страдания.

Так я сразу лишился тридцати сильных мужчин, что в то время значительно ослабило племя. Мы кое-как дождались прихода весны, съев почти всех одомашненных свиней и половину своих собак. Ближайшие два года охота тоже была неважной, поскольку численность зверей восстанавливалась медленно.

Всё же моё племя сравнительно легко вышло из создавшейся ситуации, учитывая, что я, как обычно, создал на зиму приличный запас сушеных и солёных грибов. А вот диким племенам, жившим севернее нас, пришлось несладко. Три из них вообще прекратили существование в ту страшную зиму.

Кроме того, даже в благоприятные годы рост моего племени сдерживали несчастные случаи и высокая смертность от некоторых болезней, против которых в то время я был бессилён. Тем не менее, численность живущих в посёлке людей благодаря высокой рождаемости и периодическому присоединению других племён неуклонно увеличивалась.

Сейчас посреди посёлка стоит восемь кирпичных домов, в которых живёт «начальство» со своими семьями. Это люди, особо одарённые в каком-нибудь деле: старший над охотниками, главный над кузнецами и другие признанные мастера в своей области. Они имеют у себя в подчинении от нескольких десятков до сотни мужчин.

Остальные мои соплеменники живут в деревянных домах, разбросанных по окрестным холмам. Дворов и заборов не существует, однако у многих домов, особенно у крайних, стоят собачьи будки. Довольно крупные псы рыжеватой масти охраняют своих хозяев, а заодно и весь посёлок от хищников.

Большая пасека на пятьдесят ульев обнесена высоким частоколом из брёвен, способным выдержать натиск медведя. Пчёл длительное время приручали двое мужчин, которых я обучил секретам пчеловодства. Теперь эту работу выполняют их сыновья. Мёд я использую в лечебных целях и вместо сахара.

Особое внимание я уделял развитию кузнечного дела, и в последние годы железные орудия труда стали заменяться стальными. Появились и новые инструменты, такие как клещи, рубанки, зубила, стамески, долота и прочее.

В дальнейшем вместо небольших горнов, в которых железо непосредственно восстанавливалось из руды так называемым сыродутным способом, в нескольких километрах восточнее посёлка стали строить более крупные горны, достигавшие двух метров высоты. Эти горны были оборудованы мехами, которые приводили в действие водяные колёса. Благодаря крупным размерам новых горнов и большой силе вдуваемой в них струи воздуха температура горения в них существенно повысилась. Поэтому руда стала превращаться в жидкую массу, которая при остывании преобразовывалась в чугун. Затем его здесь же переплавляли в особых горнах, удаляя излишки углерода и при необходимости добавляя некоторые компоненты. Получались железо и сталь.

Первый такой горн я построил лет пятнадцать назад вместе с двумя молодыми соплеменниками, которые быстро освоили способы кирпичной кладки. Этот горн работал редко, потому что производственный процесс выплавки стали требовал в качестве топлива каменный уголь, с добычей и доставкой которого были проблемы. Приходилось на лодках переправляться через реку Эйвон и доставлять с трудом добытое топливо в заплечных мешках. Но зато в племени появились стальные ножи и другие мелкие орудия производства.

Теперь же плотники построили деревянный мост на сваях через речку, протекающую возле посёлка. Кроме того, недавно я начал строительство деревянной дороги, ведущей в юго-восточную часть острова. Её ширина составила около пяти метров. Для этой работы я выделил шестьдесят мужчин и научил их, как нужно правильно подгонять доски друг к другу. Для того чтобы облегчить труд дорожных рабочих, я наладил производство носилок, которые для прочности укрепляли полосками железа.

Все соплеменники слушались меня беспрекословно, хотя, если им было что-то непонятно, то они, не стесняясь, задавали мне вопросы. Так получилось и с дорогой.

– Мудрый вождь, зачем она нужна? – спросил меня старший плотник.

– Эта дорога соединит наш посёлок с другим, который я прикажу построить в южной части острова.

– Понятно. А зачем нам ещё один посёлок?

– В том месте охота будет гораздо лучше, чем здесь, – отделался я полуправдой, прекрасно понимая, что о содержании нашего разговора скоро узнают все жители посёлка. Плотник удовлетворённо кивнул и задал последний вопрос:

– Я всё же не могу понять, для чего дорога должна быть такой широкой?

– Поверь, так надо. И, пожалуйста, старайтесь строить на совесть, чтобы потом переделывать не пришлось.

– Хорошо, мудрый вождь, будь уверен, мы всё сделаем правильно.

Вот уже три года, как я женился в очередной раз. Девушку зовут Любаша. Своей внешностью она чем-то неуловимо напоминает Клушту: те же голубые глаза, тот же нос с горбинкой. Только волосы темнее, да ростом чуть повыше. Она мне очень нравится.

Своих детей я так до сих пор и не нажил. Теперь я абсолютно уверен, что причина этого кроется во мне. Может быть, ещё и поэтому компьютер инопланетян выбрал именно меня. Что ж, всё логично. Моё бессмертие подразумевало отсутствие наследников, иначе через тысячи лет генофонд человечества в значительной мере содержал бы частицу меня, а это, в конечном счёте, ни к чему хорошему для здоровья последующих поколений не привело бы.

Лет сорок назад я приказал называть младенцев русскими именами, хотя слово «русский» ни в то время, ни по прошествии многих лет от меня никто не слышал. Теперь большинство моих соплеменников зовут Иванами, Ярославами, Алёнами, Светланами и так далее.

Только Сергей всегда один – бессменный вождь племени. Я раз и навсегда запретил называть новорождённых детей своим именем.

Зверья в округе в последнее время заметно убавилось. Чтобы охота удалась, приходилось всё дальше уходить от посёлка. Стало трудно прокормить такое количество людей, и я решил, что настала пора разделить племя. Здесь оставил примерно полторы тысячи человек, назначив старшим Мстислава – всеми уважаемого, сильного и умного молодого охотника.

– Когда мы уйдём, вам будет легче прокормиться, – сказал я ему. – Врагов у вас поблизости нет, но всё равно соблюдай осторожность. Мы же пойдём к большой реке на юге и поселимся на её левом берегу.

– Будь спокоен, Сергей, у нас всё будет нормально, – ответил Мстислав.

Скоро мы простились с соплеменниками, и я повёл людей к новому месту жительства. Лето недавно вступило в свои права. Погода стояла прекрасная, и я испытывал радостные и в то же время противоречивые чувства в ожидании предстоящих перемен. Продвигались мы медленно, в связи с тем, что несли с собой кроме оружия большой запас инструментов и гвоздей, а также соль, воду, копчёное мясо, посуду и зимнюю одежду.

На десятый день впереди показалась широкая река. Я выбрал удобное место, и люди стали обустраиваться. На берегу Темзы со всех сторон раздавался стук топоров, звенели пилы. К середине осени вырос деревянный посёлок, в котором кроме трёхсот с лишним домов имелись четыре бани и школа. Я назвал его Лондон.

Звери здесь водились в изобилии, о рыбе и говорить нечего. Все, кто пришёл со мной, остались довольны. Плотники ещё летом построили большой сарай. Рядом с ним я наметил участок леса, на котором собирался заготавливать древесину. Выбранные мной деревья подрубил топорами, чтобы прекратилось движение соков. Через два месяца этот участок леса вырубил. Упавшие деревья очистил от ветвей и совместными усилиями, используя рычаги, втащил в сарай. Здесь они должны были постепенно высохнуть. Этот лес я планировал использовать для постройки большого корабля.

...В начале апреля следующего года я собрал около сотни мужчин и повёл их к нашему старому посёлку. За главного в Лондоне оставил Игоря – одного из потомков Сына Медведя. И в дальнейшем я часто отдавал предпочтение родственникам тех людей, кто составил основу моего племени.

Преодолевая небольшие ручейки и овраги, мы с удовольствием шли по просыпающемуся лесу, который с каждым днём всё больше наполнялся голосами прилетевших с юга птиц и окутывался в зеленоватую дымку распускающихся клейких листочков. Весенние звуки и запахи будоражили чувства, и на лицах моих спутников всё чаще можно было видеть счастливые улыбки. Во время пути я иногда вспоминал, как с помощью «внутреннего телевизора» «наблюдал» за жизнью соплеменников, оставшихся на старом месте. Поэтому, прибыв в посёлок, я не был удивлён, что здесь поддерживается надлежащий порядок.

– Как дела, Мстислав? – спросил я, пожав старшему руку.

– Спасибо, Сергей, всё хорошо, – заверил тот, отвечая на рукопожатие.

– Как охота? Зверей прибавилось?

– Не сразу, но теперь стало гораздо лучше.

– Вот и прекрасно. К осени заготовь как можно больше соли, а сейчас я заберу значительную часть твоего запаса.

– Вы не надорвётесь? – улыбнулся собеседник, и в глазах его заплясали озорные огоньки. – Ты же не знаешь, сколько у нас её сейчас.

С этими словами он подвёл меня к новому амбару и открыл дверь. Запасы соли действительно впечатляли.

– Ну, молодец, удружил! – похвалил я Мстислава за предприимчивость. – Ещё увидимся, – сказал на прощание и пошёл к главному кузнецу.

Мастерская находилась в трёх километрах восточнее посёлка. Переступив порог просторного помещения, я поздоровался с человеком, который, едва взглянув на меня и ответив на приветствие, продолжал бить по наковальне большим молотом, придавая нужную форму раскалённому куску металла.

– Надеюсь, ты со своими людьми изготовил то, что я заказывал? – спросил я у кузнеца, дождавшись, когда он закончит свою работу.

– Да, мудрый вождь. Ты будешь доволен, – мастер подвёл меня к дальнему углу кузницы и с гордостью продемонстрировал плоды своего труда.

Я осмотрел стальные кольчуги и железные шлемы. Потом предложил нескольким охотникам примерить новую экипировку. Результат превзошёл мои ожидания. Мужчины разглядывали друг друга и восторженно улыбались.

– Ладно. Снимайте, – распорядился я. – Аккуратно сложите это добро в заплечные мешки.

– Ты настоящий мастер, – сказал я, пожимая руку главному кузнецу. – Теперь сделайте сто штыковых лопат, а также серпы и косы.

– Серпы и что? – удивился кузнец.

– Косы. Пойдём, покажу, как их делать...

Мы пробыли в посёлке три дня. В ожидании, когда будут готовы нужные мне орудия труда, я с удовольствием сыграл десяток партий с лучшими шахматистами, разгромив их со счётом восемь – два. Утром, прощаясь с соплеменниками, обратил внимание Мстислава, что нехорошо посёлку быть без названия:

– Вот мой посёлок называется Лондон. Когда-нибудь он станет огромным красивым городом...

– Что такое город? – в голосе старшего послышался неподдельный интерес.

– Это большой посёлок, где живёт очень много людей.

– Больше десяти тысяч?

– Может быть и больше, – не стал я затрагивать столь щекотливую тему, подумав, что ни к чему раньше времени сообщать соплеменникам сведения, которые сейчас им совершенно не нужны. А вообще прошло уже лет сорок с тех пор, как школьников стали учить считать до миллиона. Одновременно с этим учителя с моей помощью освоили приёмы деления и умножения и стали передавать эти знания молодёжи. Наблюдая за умственным развитием детей своего племени, я давно понял, что по способности к обучению они ни в чём не уступают своим сверстникам из двадцать первого века.

– А этот посёлок давай назовём... Рагби! – закончил я свою мысль.

– Почему Рагби? – спросил Мстислав. – Слово какое-то непонятное.

– Таково моё неперемное желание. Ну ладно, счастливо оставаться.

...Вернувшись в Лондон, я недельку отдохнул. Затем повёл большой отряд охотников покорять одно из оставшихся племён, которое жило в лесах на противоположном берегу Темзы. Мы несколько дней двигались на запад, пока не нашли брод через реку. Здесь переправились и пошли вдоль реки в обратную сторону. Через двое суток добрались до охотничьих угодий местного племени.

В этот раз нам не повезло, так как нас обнаружили раньше, чем мы могли что-либо предпринять. Чужое племя в полном составе обратилось в бегство, бросив своё становище. Всё же преимущество было за нами, из-за того, что их дети и женщины не могли долгое время двигаться быстро. Поэтому очень скоро мы их догнали.

Хотя чужих охотников было впятеро меньше нас, тем не менее, они приготовились отчаянно защищать своих соплеменников. Их мужественное поведение заслуживало уважения, и я отдал приказ своим людям остановиться. Передав ближайшему охотнику свой лук, направился к чужакам, дружелюбно улыбаясь.

Я приблизился к вождю, который настороженно следил за мной, выставив вперёд копьё. Обе мои руки были подняты кверху, и я очень медленно, продолжая смотреть ему прямо в глаза, опустил правую руку к поясу, на котором у меня в чехле находился приличной работы стальной нож. Опять-таки очень медленно я вытащил его и, взяв за лезвие, протянул чужаку.

Глаза у того загорелись, и вождь, схватив подарок, стал внимательно его разглядывать, пробуя пальцем, насколько он острый. Было заметно, что нож ему понравился. Вождь перевёл на меня взгляд и смотрел уже не так настороженно.

Я подошёл к нему вплотную и, продолжая улыбаться, потёрся носом о его нос. Этот жест означал, что я, как вождь более сильного племени, предлагал ему свою дружбу. Обернувшись к своим воинам, я приказал опустить луки.

– Олег! Брось оружие и иди сюда, – позвал я одного из мужчин и, когда тот приблизился, сказал, указывая на огромного, покрытого шрамами охотника, стоящего рядом с вождём. – Отдай свой нож этому отважному воину!

Олег повиновался, и вскоре чужие охотники опустили оружие, дружелюбно улыбаясь. Одного за другим я подзывал своих людей, пока невиданные подарки не вручили всем присутствующим мужчинам. Начались традиционные в таких случаях взаимные проявления признательности и вечной дружбы.

Потом все вместе вернулись в покинутое становище и встретили наступающую ночь возле ярко пылающих костров. Жестами я объяснил вождю, что приглашаю его племя объединиться с моим. Он с трудом понял, что мы живём на противоположном берегу реки, и что моё племя гораздо больше и сильнее, чем его. Подумав, вождь согласился.

Через несколько дней наш увеличившийся отряд подходил к посёлку. Увидев ровные улицы с деревянными домами, мои новые соплеменники от удивления разинули рты. Они возбуждённо переговаривались между собой, указывая руками то на дома, то на многочисленных жителей посёлка, которые выбежали нам навстречу.

Прибывших ожидал радушный приём. Я приказал построить для них необходимое количество жилья и научить пользоваться баней. Через два года они сносно говорили по-русски, а их дети, особенно родившиеся впоследствии, повзрослев, уже почти ничем не отличались от других жителей Лондона.

...Теперь я решил вплотную заняться постройкой корабля. Высохшие в сарае стволы в конце лета тщательно распилили на доски подходящего размера. Киль для будущего судна выгесали из цельного ствола дуба. Он получился длиной около двадцати пяти метров. Затем на берегу Темзы построили специальное деревянное сооружение из брёвен и досок, необходимое для спуска корабля на воду. Туда при помощи рычагов затащили киль и начали постройку судна.

Борта делали из длинных дубовых досок внахлёст. Когда они были готовы, установили мачту. Потом настелили палубу, которую на носу и корме корабля можно было при желании разобрать. В верхней части бортов проделали отверстия для двадцати пар вёсел, а затем изготовили и сами вёсла. Кроме того, сделали несколько запасных и рулевое весло.

На палубе, ширина которой составила пять с половиной метров, установили три специальные стойки, необходимые для того, чтобы на них опускать парус. В результате получился красивый корабль с симметрично загнутыми вверх оконечностями. Примерно на таких же судах в прежней исторической реальности ходили в походы викинги. На всякий случай я приказал плотникам разделить трюм на шесть отсеков, соорудив надёжные деревянные переборки. В каждый отсек перед отплытием сложили доски разных размеров, инструменты и запас гвоздей. Эти меры безопасности повысили шансы экипажа в борьбе за живучесть судна.

Одновременно с постройкой корабля в отдельно стоящем сарае мужчины мяли и трепали лубяные древесные волокна, предварительно их вымочив и высушив. В результате получилась

пенька, из которой сделали верёвки и канаты. Я собрал простейший ткацкий станок, на котором научил работать свою жену. За зиму она изготовила два паруса из пеньковых волокон.

Для корабля недоставало лишь якорей. Поэтому в конце марта в сопровождении группы охотников я отправился в Рагби, так как вблизи Лондона месторождения железной руды не оказалось.

Мстислав радушно встретил меня.

– Рад тебя видеть, великий вождь. Ты ничуть не изменился!

– А вот ты возмужал, – ответил я, пожимая ему руку.

– Как там у вас в Лондоне? Что нового?

Я рассказал ему о недавно присоединённом племени, о постройке корабля, показал одну из новых верёвок. Мстислав заинтересованно слушал.

– Ты такой мудрый вождь, – сказал он. – Как быстро растёт наше племя, каким сильным оно стало благодаря тебе!

Я скромно промолчал. Чем больше я общался с Мстиславом, тем сильнее начинал его ценить. И даже не потому, что он в разговорах с людьми стал называть меня великим вождём, а просто за его человеческие качества. Всё же весьма лестное наименование «великий» мне нравилось гораздо больше, чем изрядно надоевшее «мудрый». Всего за один год, с лёгкой руки Мстислава, все соплеменники стали называть меня именно так. Я дал себе зарок в дальнейшем всеми своими поступками полностью соответствовать новому «титулу».

...Главный кузнец, суровый крепкий мужчина, внимательно меня выслушав, сказал, что через три дня якоря будут готовы. Обратив внимание на следы небольших ожогов на его руках, я подумал, что необходимо сшить для мастеров плотную специальную одежду. Я вышел из кузницы и в сопровождении группы охотников пошёл на восток в сторону горушки, на склонах которой росли деревья, в том числе и берёзы.

Дело в том, что в Англии эти белоствольные красавицы где угодно не растут, а лишь на возвышенностях. На остальной территории преобладают дуб, граб, ясень и бук. Берёза в больших количествах произрастает на севере острова, но от Рагби это далеко.

Итак, добравшись до места, где начинали расти берёзы, я выбрал дерево с толстым стволом и с помощью ножа оторвал приличный кусок коры. От соседних деревьев, чтобы они не заболели, также оторвал лишь по одному куску. Набив полный мешок, вместе со своими людьми отправился обратно. На берёзовой коре я планировал начертить морские карты, необходимые для задуманного мной предприятия.

Ночь застала нас у подножия горушки. Мы разожгли костёр, поужинали взятым с собой копчёным оленьим мясом и легли спать.

...Когда якоря были готовы, мы погрузили их на носилки и не спеша пошли в Лондон. Два якоря были большие и тяжёлые. Каждый из них занимал одни носилки. Несколько малых якорей я распределил по оставшимся носилкам, где уже лежали гвозди. Нас сопровождали десять мужчин из Рагби, которые периодически делали зарубки на деревьях, отмечая направление будущей дороги.

Прибыв в Лондон, я показал им готовый корабль. Люди из старого посёлка пришли в восхищение от увиденного. Особенно их поразила Темза, ведь они никогда не видели такой большой реки, так как им ещё не доводилось бывать в этих краях.

– Представляете, сколько нового и интересного увидят те, кто поплывёт на этом корабле к другим берегам? – спросил я.

Вперёд вышел молодой мужчина.

– Великий вождь! Позволь мне отправиться в плавание. Я так хочу увидеть новые земли!

– Напомни, как тебя зовут? – я пристально взгляделся в открытое, выразительное лицо своего соплеменника.

– Александр.

- Ты женат?
- Пока нет.
- Хорошо, Александр! Ты поплывёшь, а когда вернёшься, поделишься своими впечатлениями с жителями Рагби.

Глава 9

...Был конец апреля, когда я приказал готовиться к выходу в море. Спуск корабля на воду прошёл успешно. У берега судно удерживали два толстых каната. На палубу поднялись восемьдесят охотников, ставших матросами, капитан с помощником и я. Мы приладили на носу и корме якоря, прикрепили к мачте парус.

Разумеется, как капитан, которого звали Всеволод, так и его помощник, на самом деле пока не имели ни малейшего представления о своих должностных обязанностях. Я собирался обучить их управлению судном и морской навигации во время плавания. К тому же они были молоды и сообразительны. Это вселяло в меня надежду, что бесценный опыт, который мои ученики приобретут во время опасного путешествия, не пропадёт даром, и, значит, в моём племени постепенно начнут появляться настоящие моряки.

Сначала я решил испытать мореходные качества судна и вынужденно впервые в жизни принял командование пусть небольшим и деревянным, но всё-таки кораблём.

– Поднять трап! – бодрым голосом крикнул я. Всеволод с тремя матросами довольно неуклюже выполнили мою команду.

– Отдать швартовы!

Возникла заминка.

– Что надо сделать, великий вождь? – недоумённо спросил Всеволод.

– Стой на месте, – ответил я. – Эй, на пристани! Отвяжите канаты!

Несколько охотников бросились выполнять мой приказ, и вскоре течение подхватило наш корабль и плавно понесло его вдоль самого берега. Тем временем два матроса вытащили намокшие канаты на палубу и стали сматывать их в бухты.

– Отталкивайтесь вёслами! – крикнул я матросам, сидящим на банках с левого борта. – Только осторожно! Молодцы! Начинайте грести!

Очень быстро судно развернуло почти перпендикулярно течению. Хорошо ещё, что от берега нам удалось отойти на приличное расстояние. Мне стоило большого труда выровнять корабль.

– Левая – табань! Правая – навались! – не своим голосом кричал я. – А теперь наоборот: правая – табань! Левая – навались!

Наш корабль шёл вниз по Темзе замысловатым противолодочным зигзагом, то и дело меняя курс. Я схватил железный лист и деревянной колотушкой стал задавать гребцам ритм их движений. Постепенно ситуация стала исправляться. Курс корабля выровнялся, и мы вышли на середину реки.

Движения гребцов становились всё уверенней, но на палубе находились ещё сорок матросов, которые тоже должны были попробовать свои силы. Поэтому я передал колотушку Всеволоду и стал небольшими партиями менять уставших с непривычки гребцов. В результате все матросы приобрели первый опыт совместного управления кораблём, и примерно через три с половиной часа с момента отплытия нам удалось благополучно выйти в море.

Здесь мы получили массу незабываемых впечатлений. Поставив парус, тренировались идти разными галсами. Всю оставшуюся часть дня люди привыкали к морской качке. К вечеру матросы заметно освоились, а помощник капитана научился управляться с рулевым веслом. Уже начинало смеркаться, когда я отдал приказ зайти в устье небольшой реки, впадающей в юго-западную часть мелководного залива. Мы прошли на вёслах метров сто пятьдесят вверх по реке и бросили якоря вблизи живописного берега.

Одному из мужчин удалось подстрелить лося. Через некоторое время проголодавшиеся люди с жадностью набросились на жареное мясо, обмениваясь впечатлениями от морской прогулки. Поужинав, я в блаженной истоме растянулся на мягкой душистой травке, глядя на дого-

рающий костёр и прислушиваясь к разговорам соплеменников. Вскоре мои веки смежились, и я сам не заметил, как уснул.

Во второй половине следующего дня корабль вернулся в родную гавань. Ходовые испытания прошли успешно, и капитан начал готовиться к дальнему плаванию. В трюмы погрузили запас воды в бочонках, копчёное мясо, запасной парус. Также положили инструменты, взяли оружие, канаты, глиняные ёмкости и мешки разных размеров.

Вручив Всеволоду карты морского побережья Англии, Западной Европы и Средиземного моря, начерченные острой стальной палочкой на больших кусках бересты, я посоветовал ему хранить их как можно бережнее. Наконец, сборы были закончены, и корабль готов к отплытию.

Я заранее планировал возглавить экспедицию. У меня и в мыслях не было отправить людей одних в столь дальнее путешествие. Я не мог допустить, чтобы мои соплеменники, не имея практического опыта, отправились в полную неизвестность, где опасности будут подстерегать их каждую минуту – и в море и на суше. Вдруг неопытный капитан примет ошибочное решение во время шторма или посадит корабль на мель? Да и матросы, высаживаясь на берег, могут попасть в засаду и погибнуть от стрел и копий местного населения.

Поэтому на время своего отсутствия я назначил вождём Игоря. Глеб, который был главным плотником, стал его заместителем. Я строго предупредил их обоих, чтобы в посёлке всё шло по установленному мной порядку, и распорядился продолжать строительство дороги по направлению к Рагби.

Вечером Любаша, прижавшись ко мне, спросила:

– Если всё же случится беда и твои товарищи погибнут, то как ты сможешь добраться домой один? Что будет с нами, если ты не вернёшься?

– В том-то и дело, любимая, что погибнуть я практически не могу. Хоть пешком через дикие страны, хоть по морю, но я вернусь. А вот людей, доверившихся мне, постараюсь сбереечь. У меня это получится лучше, чем у кого бы то ни было.

Взошло солнце, и всё население посёлка вышло провожать смельчаков. Матросы попрощались со своими родственниками и поднялись на корабль. С трудом отстранив от себя жену, я присоединился к ним.

– Не покидай нас, великий вождь! – слышались голоса из толпы.

– Не переживайте, мы вернёмся! – уверенным голосом крикнул я. Всё же у меня в груди защемило. Я давно привык к этому прекрасному острову и не хотел его покидать, пусть и ненадолго.

Матросы подняли трап, мы отшвартовались от берега. Первые удары вёсел вспенили воду величественной реки, и наше путешествие началось. Я обернулся, помахав рукой провожающим. Судно успело набрать ход, и вскоре посёлок скрылся из вида. Все мои спутники знали о цели нашей экспедиции. Я хотел собрать как можно больше семян полезных растений для того, чтобы, вернувшись в Лондон, заняться земледелием.

Наш корабль вместе с экипажем представлял собой впечатляющее зрелище. Он словно перенёсся сюда из другой эпохи, которая должна наступить гораздо позже. Матросы были одеты в кольчуги, а на их головах красовались железные шлемы. Рядом на палубе лежали колчаны, полные стрел, и луки, которые я «изобрёл» совсем недавно. Эти луки были трёхсоставными, то есть состоящими из трёх частей, надёжно скреплённых друг с другом. Дальность полёта стрелы, выпущенной из такого лука, достигает пятисот шагов.

Ближе к полудню солнце стало припекать, и люди с завистью поглядывали в мою сторону. Вскоре матросы взмолились, чтобы я разрешил им снять хотя бы шлемы.

– Жарко, великий вождь, пожалей наши головы, – обратился ко мне помощник капитана.

– Ладно, снимайте, – милостиво ответил я. Сам я был одет, как обычно, но никто из матросов даже не думал спрашивать меня о том, почему я не стал одевать кольчугу. Все прекрасно

знали, что убить меня невозможно. Мои соплеменники гордились своим вождём и, хотя плыть нам предстояло очень далеко, находясь рядом со мной, чувствовали себя уверенно.

Мы продвигались довольно быстро. Гребцы сменялись каждые два часа, и за день нам удавалось проплыть от ста до двухсот километров, в зависимости от направления и силы ветра. Именно километров, поскольку я твёрдо решил, что в новой исторической реальности не будет таких единиц измерения, как мили, ярды и футы. Часто я давал команду зайти в устье ближайшей реки задолго до наступления темноты. Мы поднимались немного вверх по течению и пришвартовывались к берегу в месте, которое я считал безопасным. Таким образом, у нас всегда имелся запас свежей воды и мяса.

...Всё шло нормально, но километров за пятьдесят до входа в Гибралтарский пролив наш корабль напоролся на острый выступ скалы, который был абсолютно не виден под водой. Я сидел на корме судна, привалившись спиной к левому борту, и на некоторое время задремал. Сколько раз потом я корил себя за беспечность!

Удар пришёлся вскользь, поэтому никто не упал за борт, но судно получило пробоину и стало крениться на нос. Открыв глаза, я быстро разобрался в обстановке.

– Лево руля! Опустить парус! – крикнул я.

Включив «внутренний телевизор», я «исследовал» повреждения, полученные кораблём. По счастью, они оказались минимальными. В середине второго отсека оказались сломаны три доски. В образовавшуюся пробоину быстро поступала морская вода. Вскоре это привело к тому, что нос судна частично ушёл под воду, а корма, напротив, поднялась кверху. Те из матросов, кто находился в передней части судна, по моему приказу вытащили вёсла на палубу и перебрались на корму. Остальные потихоньку продолжали грести, и берег приближался с каждой минутой.

Всё же я посчитал, что переборки некоторое время должны выдержать, и решил рискнуть. Корабль ещё можно спасти, но делать это возле берега крайне рискованно в связи с тем, что высота волн здесь намного выше, чем в открытом море. К тому же для меня не являлось секретом, что в ближайшее время погода должна испортиться.

Корма задралась кверху, и рулевое весло в данной ситуации ничем помочь нам не могло. Поэтому гребцы развернули судно, и мы с черепашей скоростью двинулись вдоль берега на восток. Я послал четырёх матросов вычерпывать воду, просачивающуюся через доски из аварийного отсека. Примерно через час впереди показалось устье полноводной реки. Мои люди к этому времени прекрасно научились управлять кораблём. Даже теперь в столь необычных условиях они настолько уверенно выполняли мои команды, что нам удалось подняться вверх по реке и пристать к её западному берегу. Мы пришвартовали судно к двум деревьям, которые словно нарочно росли возле самого берега, и опустили кормовой якорь.

В месте стоянки нашего корабля было довольно глубоко. Судно в любое время могло затонуть, поэтому я решил заняться его ремонтом немедленно. По моей команде матросы выдвинули трап и в полном вооружении сошли на обширный луг, лишь кое-где поросший одиночными деревьями. От ближайшей рощицы нас отделяло почти сто пятьдесят метров открытого пространства. Я отправил тридцать мужчин на охоту, а сам разделся и полез в трюм. Он был полон холодной воды. Однако вскоре я перестал ощущать холод, как впрочем, и полное отсутствие кислорода в лёгких. «Прямо, как человек-амфибия, только без жабр», – удивлялся я самому себе. Больше часа я находился под водой, не испытывая абсолютно никакого дискомфорта. За это время наложил надёжный «пластырь», как говорят моряки, с внутренней стороны корпуса судна в аварийном отсеке и укрепил его распорками. Все необходимые материалы и инструменты оказались в пределах досягаемости: доски плавали наверху, а молотки, пилы и гвозди, как им и полагается, лежали внизу трюма.

– Всё, можете вычерпывать воду, – сказал я Всеволоду, выбираясь на палубу. Одевшись, спустился по трапу и подошёл к костру, на котором мужчины жарили мясо молодого оленя. За моей спиной слышался плеск – это матросы на корабле дружно принялись за работу.

Погода тем временем начинала портиться. Усилился юго-западный ветер, заходящее солнце заволокло тучами, вдалеке слышались первые раскаты грома.

– Немедленно займитесь сооружением шалашей, – обратился я к мужчинам. – И заготовьте больше хвороста.

– Великий вождь! В каком месте ставить шалаши? – спросил помощник капитана.

– Вокруг костра, – ответил я. – А где твой шлем?

– Только что был где-то здесь, – мужчина нагнулся и вскоре выпрямился, поспешно надевая шлем на голову и виновато поглядывая на меня.

– Не матросы, а дети малые! Недалеко от нас находится стоянка сильного местного племени. Они здесь хозяева, а мы гости, причём незванные. Тебе что, жить надоело?

– Прости, великий вождь. Больше это не повторится.

Вскоре у костра остались лишь я и ещё двое мужчин, занятых приготовлением ужина. Один из них сказал, переворачивая кусок дымящегося мяса:

– Ну и натерпелись мы страху, когда корабль наскочил на скалу. Думали, что домой пешком возвращаться будем. А до дома-то далеко! –

– Да, – согласился я. – Нам крупно повезло. Если б удар пришёлся немного под другим углом, то наш корабль затонул бы. А теперь мы можем продолжить плавание.

– Как хорошо, что ты с нами, великий вождь. С тобой гораздо спокойнее, – с чувством произнёс второй мужчина.

Минут через сорок шалаши были построены, хворост заготовлен, и матросы с аппетитом набросились на еду, поглядывая на молнии, озарявшие горизонт яркими всполохами. Приближалась гроза. Утолив голод, я вернулся на корабль, корма которого снова приняла нормальное положение.

– Как дела? – спросил я у Всеволода.

– Заканчиваем. В трюме воды осталось по колено.

– Молодцы. Но всё-таки поторопитесь: скоро пойдёт ливень.

На всякий случай я опустил и носовой якорь, после чего вернулся к костру. Через некоторое время упали первые капли дождя, и матросы стали забираться в шалаши. К костру подошёл Всеволод с мужчинами, которые только что закончили работу на судне. Они взяли по большому куску мяса, но тут хлынул такой сильный дождь, что матросы поспешили укрыться в свободных шалашах.

Я последовал их примеру. Лёжа на спине, подложив руки за голову, я вслушивался в раскаты грома, шелест водяных струй и охранял покой своих людей, твёрдо решив этой ночью не спать. Ещё два часа назад я «заметил» двух разведчиков местного племени, но не стал из-за этого тревожить соплеменников. Едва обнаружив наше присутствие, чужаки со всех ног помчались с докладом к своему вождю. Тот немедленно собрал нескольких охотников и долго советовался с ними. По некоторым жестам я сделал вывод, что мужчины этого племени очень воинственны и не прочь помериться с нами силой.

Такая возможность у них имелась. Во-первых, их было, по меньшей мере, впятеро больше нас, и, во-вторых, они обладали, на удивление, мощными дальнобойными луками. По крайней мере, у племён, живших западнее и севернее наших соседей, такие луки не встречались. Только начавшийся ливень внёс коррективы в их планы. Они с нетерпением ждали, когда разгулявшаяся стихия немного успокоится, и не ложились спать.

После полуночи гроза стала стихать и вскоре совсем прекратилась. Все мои люди крепко спали. Я взял в своём шалаше немного сухого хвороста и выбрался наружу. Сплошная низкая облачность нависла над окружающей местностью. В трёх шагах ничего нельзя было разглядеть.

Тихонько посмеиваясь, я «наблюдал» за тем, как охотники соседнего племени вышли в поход. «Ничего, пусть прогуляются. Свежий воздух ещё никому не повредил», – подумал я, неторопливо разжигая костёр.

Уже давно, отправляясь в поход, мужчины моего племени не брали с собой горшочек с горячими угольками. Северо-западнее Рагби находились залежи каменного угля. Там я и нашёл несколько десятков жёлтых блестящих камней. Это был железный колчедан, который при ударах по нему кремнем даёт искры. От них легко разжечь костёр, нужен лишь сухой мох.

Подойдя к ближайшему шалашу, я потряс за ногу одного из матросов.

– Кто там дурака валяет? – злобно прошипел он.

– Полегче, парень, полегче. Это я.

– Великий вождь?! Что случилось?

– Потом объясню. Быстро буди остальных.

Подбросив хвороста в разгоревшийся костёр, я принялся разжигать новый в трёх метрах от судна. Ко мне подошёл заспанный помощник капитана.

– Неси ещё хворост, – распорядился я, – и прикажи разбудить тех, кто ещё спит.

– Сейчас, великий вождь.

Минут через пять на берегу собрались все мои люди.

– Значит так, – сказал я. – Объясняю только один раз, поэтому перестаньте зевать и слушайте внимательно. Нам грозит смертельная опасность. Местные охотники выступили в поход. У нас ещё есть время, чтобы быстро собраться и уплыть отсюда подальше. Разожгите возле корабля ещё два больших костра и, самое главное, не забудьте в лагере инструменты и оружие. Всё понятно?

– Да, великий вождь, – нестройно ответили мужчины.

– Того, кто оставит здесь свой шлем или топор, лично скормлю акулам, – пригрозил я и добавил для пущей убедительности:

– Я не шучу. Разойдитесь.

Взойдя на палубу корабля, я поднял кормовой якорь и стал наблюдать за действиями своих соплеменников. Надо отдать им должное – они выполнили мой приказ быстро и без лишней суеты. Постепенно по трапу поднялись все матросы и заняли каждый своё место. На берегу оставались только Всеволод и его помощник. Они быстро отвязали от дерева один из канатов, а вот со вторым вышла заминка. Канат разбух от дождя, а узел, которым он был привязан к дереву, затянулся слишком сильно из-за того, что уровень воды в реке повысился.

– Всеволод! Режь канат! – крикнул я.

Капитан кивнул и, достав нож, перерезал канат возле самого дерева. Затем он последним ступил на палубу судна и с двумя матросами поднял трап.

Чужие охотники находились от нас не дальше, чем в двухстах пятидесяти метрах. Они уже наверняка заметили ярко горящие костры.

– Поднять носовой якорь! – скомандовал я.

Два сильных матроса быстро выполнили мой приказ.

– Разворачивайте судно носом к морю!

Этот манёвр был морякам давно привычен. Те из них, кто сидел в передней части корабля у левого борта, дружно упёрлись вёслами в берег, и корабль стал разворачиваться. Слаженно работая вёслами, матросы вывели судно почти на середину реки, и в этот момент на берегу раздались разочарованные крики чужих охотников. Я рассмеялся и прокричал им:

– Отдохните, ребята! До утра ещё далеко!

Матросы, дружно налегая на вёсла, подхватили мой смех, и наш корабль, увлекаемый течением, с удвоенной скоростью стал удаляться от противника. В этот момент рядом со мной раздался звук, будто что-то твёрдое ударилось о металл, и помощник капитана схватился за голову.

– Больно, зараза!

Нагнувшись, я при помощи «внутреннего телевизора» быстро нашёл вражескую стрелу. Её кремневый наконечник разбился от удара о железный шлем моего соплеменника.

– Ну, что, пригодился шлем? – громко спросил я его.

– Да. Спасибо, великий вождь.

– Не за что. Носи на здоровье, – сказал я и тут же строго прикрикнул на чересчур развеселившихся матросов:

– А ну тихо, не то на мель сядем! Право руля! Так держать! Навались!

Мы выходили в море. Нас окружала кромешная темнота, и мне приходилось быть всё время начеку, чтобы действительно не наскочить на мель.

В дальнейшем наше судно продвигалось медленнее. Я внимательно следил за погодой и возможными опасностями по курсу нашего корабля. Мы прошли через Гибралтарский пролив и продолжили плавание вдоль северного берега Африки. Рек там гораздо меньше, и однажды, почувствовав приближение бури, я приказал повернуть судно в открытое море. Мы убрали парус и легли в дрейф. Я распорядился вытащить вёсла и надёжно привязать их к бортам корабля.

Люди пристально следили за тёмной линией на краю горизонта. Постепенно она превратилась в широкую полосу непроглядной тьмы. Я приказал матросам спуститься в трюм. Испуганные происходящим, они быстро выполнили команду. Вместе с капитаном я встал к рулевому веслу. Крепко привязав себя к бортам судна, мы решительно направили его навстречу быстрым, пенящимся волнам.

Вскоре свинцовые тучи за клубились над морем. Ветер усиливался, а волны становились всё выше. Но, несмотря на это, мы с Всеволодом продолжали удерживать корабль носом к огромным волнам, многие из которых захлёстывали палубу.

Так продолжалось несколько часов. У нас затекли руки, и онемело всё тело. Мы полностью вымокли и наглотались морской воды. Через некоторое время ветер стих, небо очистилось от туч, и появилось заходящее солнце, которое скоро погрузилось в пучину тёмного моря. Люди постепенно приходили в себя и поднимались вверх. Во второй раз с начала плавания нам пришлось ночевать на палубе корабля.

Я приказал поставить парус и, воспользовавшись лёгким бризом, ориентируясь по Полярной звезде, повёл судно на восток. В дальнейшем погода нам благоприятствовала. Через два с половиной месяца после отплытия из Лондона наш корабль прибыл к восточному побережью Средиземного моря.

Здесь мы несколько раз высаживались на берег и затем продолжали плавание, постепенно продвигаясь на север. Я включал свой «внутренний телевизор» и находил дикорастущие злаки: пшеницу, ячмень и рожь. Нам удалось собрать несколько мешков зерна, которое к этому времени созрело. Мы соблюдали все меры предосторожности. Люди действовали предельно собранно, и я мог положиться на любого из них.

Матросы восхищались красотами местной природы. Средиземноморская растительность поражала воображение не избалованных южным климатом людей. Да и мне никогда не доводилось здесь бывать, поэтому я искренне разделял чувства экипажа нашего судна.

– Вот вернусь в Рагби, женюсь, а потом буду рассказывать детям и внукам, где был и что видел, – как-то сказал Александр.

– Да уж, – поддержал его Всеволод, – впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Что, нравится профессия моряка? – спросил я. – Так знайте, что этот корабль не последний. Я прикажу построить ещё, а те из вас, кто действительно влюбился в море, смогут передавать свой опыт молодёжи.

– Наверное, и ты, великий вождь, иногда будешь принимать участие в таких походах? – предположил Александр.

– Не исключено. Но не так далеко, как в этот раз. Я не могу надолго оставлять племя. Мало ли что может случиться? К примеру, если мы сейчас потерпим кораблекрушение, то дорога домой займёт у нас не меньше года, и зимовать нам придётся на чужой территории.

– Конечно, такое приключение нам ни к чему, – подвёл итог Всеволод.

...Находясь вдали от Лондона, я периодически «наблюдал» за его жизнью. Долгое время там всё шло своим чередом. Но сейчас, включив свой «внутренний телевизор», я заметил, что всем в посёлке распоряжается Глеб. Он ходил с важным видом и принимал почести, как будто стал вождём племени.

Я принялся «искать» Игоря, но того нигде не было. Подумав, что он заболел, «заглянул» под крышу его дома, однако Игоря не оказалось и там. «Проверил» леса по направлению к Рагби и сам посёлок – человек, назначенный мной вождём, бесследно исчез. Тогда, сконцентрировав всю свою энергию, «обнаружил» труп Игоря, глубоко закопанный в землю недалеко от Лондона.

Я решил во всём разобраться, когда окажусь дома. Естественно, своим спутникам ничего не сказал. Никто во всём мире не должен знать, какими именно способностями и в какой мере я обладаю.

...Вскоре мы повернули обратно, двигаясь вдоль южного берега «Турции», миновали остров Крит и основательно исследовали растительность побережий «Греции» и «Италии». Благодаря моим необычным способностям, нам удалось запастись семенами овса, льна, свёклы, моркови, капусты, редьки, лука и чеснока.

Таким образом, программа экспедиции оказалась выполнена, и я повёл корабль домой. При этом периодически подзывал к себе капитана с помощником и предлагал им сориентироваться, где мы находимся. Глядя на карту, они уверенно отвечали на мои вопросы, и, в конце концов, я понял, что в случае необходимости могу доверить им командование судном где-нибудь поблизости от Англии. Об этом я и поставил в известность Всеволода, когда мы благополучно миновали Гибралтарский пролив:

– Когда вернёмся домой, ты останешься капитаном, и в тёплое время года будешь выходить в море, но не очень далеко: в основном вдоль побережья Англии.

– А с какой целью?

– Будешь продолжать приобретать опыт сам и готовить себе достойную смену. Я хочу иметь небольшой флот.

– Хорошо, – улыбнулся Всеволод. – Твой приказ совпадает с моими желаниями.

...Одному из матросов неожиданно стало плохо. Он жаловался на резкую боль в правом боку. Я подошёл к нему и, произведя осмотр, понял, что у бедняги острый приступ аппендицита. Я не смог бы его спасти при всём желании – у меня не было антисептических средств, да и грязный нож – плохая замена острому как бритва скальпелю.

На четвёртые сутки парня не стало. Мы похоронили его на берегу реки, где собирались ночевать, и положили на могилу большой камень. За ужином я высказал свои мысли вслух:

– Придёт время, и многие болезни, в том числе ту, от которой умер наш товарищ, можно будет лечить.

– А когда это произойдёт? – поинтересовался один из матросов.

– Ещё очень не скоро, – невольно вздохнул я. – Может, через сотни лет, но я постараюсь сократить этот срок.

Наконец мы увидели родные берега. Дождавшись, когда начнётся прилив, пошли на вёслах вверх по Темзе. Ближе к вечеру показался посёлок. Кто-то заметил наше появление, и вскоре добрая половина Лондона собралась на площади. Мужчины помогли пришвартовать судно к причалу, и по шатким сходящим команда сошла на берег, где смешалась с толпой соплеменников.

«С возвращением, великий вождь!» – слышал я со всех сторон.

Необходимо было заняться разгрузкой корабля. Я подозвал шестерых охотников и с их помощью перенёс привезённые из-за моря семена в заранее построенный сухой амбар. Когда нёс очередной мешок, меня остановил Всеволод.

– Сергей! – сказал он. – Как бы, на радостях, мы не забыли про корабль.

– А в чём дело?

– На нём постоянно кто-то должен дежурить, иначе, когда уровень воды в реке понизится, канаты лопнут, и только мы его и видели.

– А ведь верно. Какой же ты молодец! У меня сейчас голова совсем другим занята.

– Ты же сказал, что я остаюсь капитаном. Кто как не я должен отвечать за корабль?

– Вот и приступай к своим обязанностям. Немедленно найди четырёх матросов, на твоё усмотрение, и от моего имени прикажи заступить на вахту. Следующие четверо сменят их утром. По-моему, восемь человек тебе пока хватит. Я отдаю их в твоё полное распоряжение, но с условием, чтобы на судне всегда был порядок. Действуй, капитан!

...Проснулся я поздно. Очень хотелось что-нибудь съесть. Я оделся и вышел на улицу. Пока шёл к костру, меня то и дело радостно приветствовали жители посёлка. Я сел у огня, один из охотников протянул мне кусок жареной оленины и произнёс: «Приятного аппетита, великий вождь!» Как хорошо быть дома! Насытившись, приказал позвать Глеба. Он пришёл, и я, не ответив на его приветствие, глядя ему в глаза, спросил:

– Глеб, что случилось с Игорем?

– Не знаю. Он пропал. Мы искали его, но так и не нашли.

Мужчина не выдержал моего взгляда и опустил глаза.

– Наверно, плохо искали, – сказал я. – Ну-ка, все вы, следуйте за мной!

Охотники, сидящие возле костра, поднялись. По пути я прихватил пару лопат. Мы вышли из посёлка и прошли метров сто по лесу. В одном месте на поверхности земли была заметна небольшая впадина.

– Ага! – воскликнул я. – Копайте здесь.

Глеб стоял, тупо уставившись под ноги. Тем временем двое мужчин споро отбрасывали не успевшую слежаться землю. Когда добрались до трупа, в нос ударил запах тления. Глеб упал на колени: «Сергей! Великий вождь! Прости!»

– Закапывайте обратно, – распорядился я, – и свяжите ему руки.

И то, и другое было исполнено. Мы вернулись в посёлок. Охотники злобно смотрели на человека, который ещё недавно был их вождём.

– Соберите всех жителей посёлка, – приказал я. Скоро небольшая площадь заполнилась до отказа. Было непривычно тихо.

– Люди! – обратился я к собравшимся. – Этот человек совершил умышленное убийство с целью захвата власти. Он хладнокровно всё обдумал и сознательно пошёл на преступление. Это произошло впервые в нашем посёлке, и я хочу знать ваше мнение, как с ним поступить?

– Смерть ему! – закричали в толпе. Некоторое время возмущённые соплеменники не давали мне сказать ни слова. Я поднял руку, и постепенно наступила тишина.

– Пожалуйста, прости меня, великий вождь, – чуть слышно произнёс Глеб. Я задумался. Пожалуй, ни к чему поощрять кровожадный инстинкт толпы. С другой стороны – зло должно быть наказано.

– Я с вами полностью согласен. Такое прощать нельзя.

Затем, после паузы, добавил:

– Я приказываю навсегда изгнать Глеба из племени. Он не имеет права появляться вблизи Лондона и Рагби. Если же он посмеет вернуться, то будет казнён. И ещё: Глеб должен уйти без оружия.

Вытащив из чехла нож, я освободил Глебу руки.

– Иди. И помни то, о чём я сейчас сказал.

– Спасибо, великий вождь! – побелевшими губами произнёс Глеб и, понуро опустив голову, пошёл через площадь. Люди перед ним расступались. Дойдя до конца площади, мужчина в последний раз обернулся и скрылся за ближайшим домом.

«Он сказал мне „спасибо“, – подумал я. – Не за что, Глеб. Скоро ты поймёшь, как тяжело жить одному».

С тягостным чувством после случившегося я зашёл домой и взял чистую одежду. Потом направился в баню, где пробыл несколько часов, смывая с себя накопившуюся усталость. В этой же бане собрались почти все путешественники. Мы тёрли мочалками друг другу спины и подолгу парились, вспоминая подробности произошедших с нами событий.

Из бани я вышел подстриженным и гладко выбритым. С удовольствием пообедал и пошёл к плотникам, которые заканчивали строить новый дом на окраине посёлка. Глеб успел назначить среди них главного. Присмотревшись, я не стал менять его решение, поскольку Владимир в совершенстве знал своё дело и пользовался авторитетом среди товарищей.

На следующее утро я привёл жену к амбару и показал ей своё богатство. Вдвоём мы расстелили на земле запасной корабельный парус, который в плавании нам так и не понадобился. Была середина сентября, и мы, используя каждый погожий час, подсушили семена на солнышке. Затем, ссыпав их в мешки, аккуратно сложили в амбаре. Я закрыл его на щеколду и запретил туда входить без моего разрешения.

За два дня группа мужчин перекопала небольшую полянку неподалёку от посёлка, тщательно удалив траву и корни растений. Я изготовил деревянные грабли и в начале октября засадил участок зубками чеснока. Пригласив плотников, приказал им обнести наш огород по периметру прочным забором, чтобы дикие звери не затоптали всходы.

...Прямо от крайних домов посёлка начиналась широкая деревянная дорога, ведущая в Рагби. За два года работ её длина составила около восьми километров. При этом плотникам часто приходилось заниматься другими делами. «Для начала совсем неплохо», – подумал я и подошёл к Владимиру.

– Заканчивайте пока с дорогой и займитесь вырубкой леса в другом месте.

Он взял топор и пошёл со мной. Я показал ему границы участков, и Владимир сделал зарубки на деревьях.

– Поступи так же, как при постройке корабля, – сказал я ему. – Лес в этом месте ценный, сложи его в сарай – пусть сохнет. Да не надрывайтесь, распилите часть брёвен покороче.

– Всё сделаем, Сергей, – ответил старший плотник.

– Вот ещё что: постройте дополнительно два больших сарая для сушки леса – дуб сохнет долго. Как управитесь, можете отдыхать всю зиму.

Владимир ушёл, а я, возвращаясь домой, мечтательно подумал: «Дождусь прихода весны и приступлю к посевным работам. Интересно будет попробовать себя в качестве агронома, ведь раньше я этим никогда не занимался».

Глава 10

В январе я решил провести первые в истории моего племени соревнования по «биатлону». Задолго до этого замечательного спортивного события все опытные охотники в снежные зимы использовали для передвижения по лесу настоящие лыжи с кожаными креплениями для ног и слегка примитивные, но удобные лыжные палки.

Проявив немного фантазии, я разработал правила соревнований и за день до их проведения с большой группой мужчин проложил замысловатую лыжную трассу длиной примерно в три километра. В это же время на окраине одного из вырубленных участков леса плотники установили длинный высокий забор. К нему прикрепили выпиленные из дерева и окрашенные в тёмный цвет фигурки животных, которые должны были служить мишенями для «биатлонистов».

На следующее утро весь посёлок собрался на стрельбище. Я попросил внимания и подробно объяснил правила соревнований, после чего двадцать участников заняли места на старте. Я выстроил их в две шеренги, скомандовал: «Раз, два, три!», и охотники ринулись вперёд, стараясь возглавить гонку. Трое из них нарушили правила, стартовав чуть раньше остальных, но я закрыл на это глаза, чтобы не нарушить зрелищности соревнований.

Начало получилось захватывающим. Пятеро участников помешали друг другу и упали в снег, но быстро поднялись и помчались догонять своих конкурентов. Что происходило в лесу, никто не знал, потому что основные события должны были развернуться на стрельбище. Наконец, терпение зрителей оказалось вознаграждено. Из леса один за другим появились все «биатлонисты» и, не сбавляя темпа, подъехали на огневой рубеж. Каждый вытащил из своего колчана по одной стреле и выпустил её в фигурку кабана. В итоге значительная часть выстрелов не достигла цели, и мужчинам пришлось бежать штрафные круги. Лишь три охотника, сообразив, в чём заключается секрет успеха, немного выждали и, восстановив дыхание, поразили свои мишени. Они первыми ушли со стрельбища, а те, кто им симпатизировал, приветствовали их восторженными криками.

Эта тенденция сохранилась и на двух последующих огневых рубежах, где мишенями служили фигурки оленей и медведей. Уже никто не сомневался в победе этой троицы. Каково же было изумление зрителей, когда первыми к финишу пришли совсем другие участники! Я был занят награждением победителей медными медалями с нанесёнными на них изображениями животных, и только потом обратил внимание на то, что финишировали лишь четырнадцать «биатлонистов».

Куда же подевались шестеро сильных мужчин? Я уже начал беспокоиться за их судьбу и хотел включить «внутренний телевизор», как вдруг заметил всю компанию, которая появилась на лесной опушке. При их виде я расхохотался, и вскоре мой смех подхватили все зрители и участники соревнований. И было отчего посмеяться: довольные мужчины тащили за собой трёх убитых оленей. Охотничий инстинкт оказался сильнее, чем перспектива получить блестящую медаль из рук вождя. В дальнейшем я стал проводить подобные соревнования почти каждую зиму, и постепенно они стали традиционными.

...Наступила весна. Один из подготовленных участков земли мы с Любашей засеяли семенами моркови, свеклы, лука и редьки, разравнивая грядки деревянными граблями, а также высадили рассаду капусты. Большие делянки заняли зерновые культуры. Перед севом мужчинам пришлось потрудиться: выжечь оставшиеся после рубки леса пни и тщательно перекопать землю вместе с золой.

Последний участок заняли лён и мьльянка лекарственная, несколько растений которой я после долгих поисков обнаружил на Средиземноморском побережье «Франции». Теперь мне

хотелось её размножить, чтобы в дальнейшем использовать при изготовлении мыла и шампуней.

Излишне говорить, что все засеянные участки плотники огородили заборами, в которых имелись калитки. Несколько охотников я назначил ночными сторожами, чтобы ни один зверь не причинил вреда взошедшим росткам.

В помощь Любаше я выделил десять женщин, которые сами захотели заняться выращиванием растений. Работницы вручную пропалывали сорняки в посевах льна и овощей, а также по мере необходимости производили полив. Но это происходило крайне редко, поскольку дожди шли достаточно регулярно. Я с интересом наблюдал, как женщины старательно ухаживают за появившимися всходами. На наших глазах из маленьких семян постепенно вырастали большие растения. Их внешний вид зачастую сильно отличался от представителей растительного мира Англии. Мне пришлось объяснить любопытным труженицам технологический процесс выращивания сельскохозяйственных культур, особенно подробно остановившись на возделывании льна.

В конце июля лён созрел. Полученного из него волокна хватило на пошив полутора сотен рубашек. Иголки теперь использовали стальные, а нитки – льняные. Для изготовления ниток я сделал веретено и специальный небольшой станок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.